

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИГИ.

Начертавъ образъ философа, способнаго управлять государствомъ, Платонъ продолжаетъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: Если философами, говорить, надобно почитать тѣхъ, которые стараются созерцать вѣчныя формы вещей, а обращающіеся съ вещами многоразличными, текучими и перемѣнчивыми—не философы; то легко понять, кому слѣдуетъ ввѣрить кормило государственнаго правленія. Вѣдь философы-то, имѣя познаніе истины, ясно будутъ усматривать, что справедливо въ обществѣ, что несправедливо. Поэтому въ стражей общества должны быть избираемы люди, знающіе силу и природу каждой вещи, особенно когда не лишены они и тѣхъ добродѣтелей, которыми отличаются другіе. Пламенѣя любовію къ предметамъ истинно сущимъ, они будутъ также любить искусства и науки, открывающія имъ силу какбы вѣчной сущности, а оттого станутъ заботливо избѣгать лжи и держаться одной истины; ибо съ мудростію, къ которой они стремятся, ничто столько не сродно, какъ истина. Находя же удовольствіе преимущественно въ любви къ наукѣ и мудрости, они, конечно, не будутъ думать объ удовольствіяхъ тѣлесныхъ, слѣдовательно станутъ украшаться разсудительностію и умѣренностію. А когда человѣка, своимъ умомъ старающагося обнять весь кругъ вещей человѣческихъ и божественныхъ и своею душою созерцающаго силу и природу всего времени и всей сущности, не будетъ занимать ничто мелочное; тогда онъ не подумаетъ высоко цѣнить жизнь настоящую; слѣдовательно будетъ презирать смерть и не обнаружитъ ни трусливости, ни малодушія, но, болѣе чѣмъ кто дру-

гой, явится великодушнымъ и мужественнымъ; потому что природы—трусливая и низкая съ философіею не имѣютъ ничего общаго. Но кто воздерженъ, благороденъ и мужественъ; тотъ никогда не позволитъ себѣ поступить съ кѣмъ-нибудь несправедливо. Поэтому истинный философъ необходимо будетъ справедливъ и примодушенъ. Кромѣ того, нельзя не быть ему и ученымъ; потому что онъ будетъ одаренъ хорошою памятью, безъ которой не могъ бы питать свою душу науками или познаніями. Притомъ извѣстно, что истина весьма сродна съ симметриею и гармоніею: посему не можетъ быть, чтобы человѣкъ, во всю жизнь ревнующій объ истинѣ, обнаруживалъ суровость и непривѣтливость. Если же для познанія истины все это не обходимо, то каждый согласится, что управленіе государствомъ должно быть ввѣряемо людямъ ученымъ и совершеннымъ. Р. 484—487 А.

Выслушавъ означенныя разсужденія Сократа, Адимантъ возражаетъ: остроумно и искусно изслѣдываешь ты, Сократъ, настоящий предметъ, однако не такъ, чтобы въ душѣ не осталось никакого сомнѣнія. Могутъ сказать, что философы, прошедшіе весь вѣкъ въ изученіи мудрости, часто бываютъ чудачками, непонимающими пользы вещей; да и самые-то лучшіе изъ нихъ вовсе неспособны управлять обществомъ. Если же это справедливо, то какъ настаивать, что общество тогда только будетъ счастливо, когда его правителями явятся философы! Сократъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: люди, такъ разсуждающіе, говорятъ сущую правду, только не знаютъ причинъ открывающагося здѣсь недостатка. Какъ грубые и глупые мореплаватели хвалпли бы того капитана, который пусть и не знаетъ своего дѣла, лишь бы поблажалъ ихъ прихотямъ, а мудраго, который для спасенія всѣхъ употребляетъ мѣры строгости, бранили бы и отвергали: такъ и народная толпа, пзмѣряющая все удовольствіемъ и частною пользою, обыкновенно обвиняетъ тѣхъ правителей, которые, не поблажая ея страстямъ, имѣютъ въ виду пользу и благо только цѣлаго государства. Явно, что въ этомъ случаѣ надобно винить не философовъ, а людей, непользующихся философами. Если же послѣдніе къ управленію государствомъ не приступаютъ сами

собою, то дѣлаютъ это какъ мудрецы. Вѣдь и врачъ не ходитъ по домамъ съ вопросомъ, не нужно ли кого лечить: такъ-то и способные управлять обществомъ не станутъ упрашивать толпу, чтобы она ввѣрила имъ власть. Вотъ причина, по которой философы считаются большею частію неспособными къ должностямъ правительственнымъ. P. 487 B—489 D.

Но гораздо больше ненависти навлекается на философію тѣми, которые, не имѣя нисколько мудрости, усвояютъ себѣ имя философовъ. Какъ свойства души, въ истинномъ философѣ необходимы, бываютъ рѣдки, и какъ нечасто рождаются люди, вполне способные любить мудрость: такъ, напротивъ, весьма многочисленны причины и поводы къ развращенію и ложному направленію понятій. Во-первыхъ, на души юношей производятъ важное вліяніе тѣ порицанія и похвалы, которыми осыпаются въ общественныхъ собраніяхъ правители государства; такъ что, слыша ихъ, юноши часто безъ совѣсти заботятся только о томъ, какъ бы вкратиться въ расположеніе народа. Потомъ, еще могущественнѣе дѣйствуютъ на нихъ награды и навазанія, назначаемыя выдающимся въ обществѣ лицамъ. Это имѣетъ такую силу, что изъ юношей никто не можетъ сдѣлаться добрымъ, развѣ по какому-нибудь божественному жребію. Надобно еще прибавить, что и софисты портятъ души юношей, потому что преподаютъ искусство льстить безумной толпѣ народа, будто дикому звѣрю; а народъ никакъ не можетъ судить о томъ, что прекрасно и честно само по себѣ, чтобы понять дурную сторону того искусства. P. 489 D—493 E.

При такомъ множествѣ опасностей, которымъ подвергаются души, едва ли возможно, чтобы люди, влекущіеся любовію къ философіи, могли достигнуть предположенной ими цѣли. Представимъ себѣ юношу, отлпчающагося добродѣтелями и сверхъ того красотою тѣла. Что станетъ съ нимъ? Родственники, домашніе и прочіе граждане будутъ всячески расточать ему ласки, чтобы, то-есть, въ будущемъ времени воспользоваться его авторитетомъ и вліяніемъ на ходъ собственныхъ своихъ дѣлъ. А отсюда произойдетъ то, что юноша, какъ ни благороденъ онъ по природѣ, сдѣлается надменнымъ, невыносимо гор-

дымъ, и станеть отвергать внушенія самыхъ благоразумныхъ наставниковъ. Если же случилось бы, что какой-нибудь юноша, по добротѣ своей природы, тѣмъ не менѣе предался философiи; то заинтересованные его благоволенiемъ будутъ всячески стараться отвлечь его отъ любимаго имъ занятiя, а не то,—отвлекуть отъ него наставниковъ. Р. 494 А — 495 А. Этими причинами и способами повреждается и самая благородная природа: тогда какъ отъ ней надлежало бы ожидать много пользы какъ частнымъ лицамъ, такъ и цѣлому обществу,—въ состоянiи поврежденiя она становится гибельною и распространяеть заразу. Отсюда происходитъ то, что природа особенно счастливая производитъ жизнь несколько себя не достойную; а философiя, лишившись способныхъ своихъ адептовъ, переходитъ въ руки людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ, которые безславятъ ее и дѣлають для многихъ предметомъ поношенiя и ненависти. Эти люди, обольщаясь славою мудрости, въ области философiи ищуть суеты и пищи тщеславiю, а потому, облекшись въ одежду рабскаго служенiя, не чувствуютъ и не предпринимають ничего великаго, благороднаго, возвышеннаго. Р. 495 А—496 А. Изъ этого видно, что число истинныхъ друзей мудрости не можетъ быть значительно; да и тѣ, сохраненные отъ общей заразы, преисполняются любовiю къ философiи по большей части подъ влиянiемъ какой-то счастливой судьбы, или, что рѣдко бываетъ, какого-то божественнаго опредѣленiя. Эти немногие, усмотрѣвъ жалкое состоянiе обществъ, никакъ не рѣшаются принимать участiе въ дѣлахъ общественныхъ, а напротивъ, убѣгають отъ нихъ, будто отъ бури, и обращаются къ поприщу частному, какъ къ тихой пристани, въ которой можно было бы имъ наслаждаться плодами мирныхъ занятiй и, вдали отъ развратныхъ гражданъ, готовиться—свято, съ невинностiю и надеждою выдти изъ этой жизни. Р. 496 А—497.

Хотя такая жизнь кажется и хорошею, однакожь она далеко ниже той, какую проводили бы эти люди, еслибы дѣйствовалъ въ обществѣ благоустроенномъ. Теперь нѣтъ общества, которое способствовало бы къ укрѣпленiю и развитiю способностей философской души: напротивъ, во всѣхъ портятся и самые лучшiе таланты, будто пересаженные на чу-

жую почву нвоземныя растенія. И такъ, теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ въ предначертанномъ государствѣ воспитывать и поддерживать любовь къ философіи, чтобы она мало по малу не ослабѣла и не повредилась? Съ философіею надобно обращаться совсѣмъ не такъ, какъ съ нею обращаются. Нынѣ юноши приступаютъ къ философіи рано и занимаютъ ею слегка, возмужавъ же, спѣшатъ къ другимъ дѣламъ, а философію оставляютъ. Стражи государства должны идти другимъ путемъ. Начало своихъ занятій поведутъ они отъ тѣхъ наукъ, которыя приличны нѣжному ихъ возрасту; потомъ, когда укрѣпятся силы ихъ духа и тѣла, они будутъ заниматься тѣмъ, что соотвѣтственно мужескому ихъ развитію; а какъ скоро наступитъ возрастъ преклонный и тѣлесная крѣпость начнетъ упадать, они, оставивъ общественныя дѣла, совершенно предадутся философіи и будутъ стараться только о томъ, чтобы и жизнь окончить благополучно, и послѣ смерти получить достойный своей добродѣтели жребій. Р. 497 А.—498 С.

Этотъ способъ, конечно, не понравится многимъ, но противники должны всячески дознать его пользу. Что они отвергнуть его,—это неудивительно; потому что никогда не видѣли ни устроеннаго такимъ образомъ, ни столь ясно описаннаго государства, а еще менѣе могли видѣть когда-нибудь въ столь совершенномъ обществѣ столь совершеннаго по добродѣтелямъ его правителя. Къ этому надобно присовокупить, что многіе, мало заботясь объ изслѣдованіи истины, услаждаются болѣе хитросплетеніемъ, блескомъ и пышностію рѣчи. Хотя мы и предвидѣли, что все это не будетъ ладить съ ходячею мыслию; однакожь, возбуждаясь любовію къ истинѣ, осмѣлились свободно произнести, что общество не прежде будетъ наслаждаться счастіемъ, какъ тогда, когда въ немъ или философы будутъ царствовать, или цари философствовать. И наше убѣжденіе таково, что это возможно. Пѣтъ сомнѣнія, что даже и народная толпа, если, отвергнувъ предразсудки, пойметъ она достоинство и превосходство философіи, — одобритъ наши мысли. Вѣдь виновники ея ненависти и вражды противъ философствованія не другой кто, какъ тѣ, которые, по своему про-

фанизму, не имѣя права вступать въ храмъ мудрости, врываются въ него силою и, неспособные постигать высшую мудрость, останавливаются только на дѣлахъ человѣческихъ, высшихъ же созерцателей преслѣдуютъ злословіемъ. Между тѣмъ истинные философы, вперившіе свой умъ въ вѣчную истину, не только не носятся душою среди дѣлъ человѣческихъ, безразсудно наполняя свое сердце горечью и ненавистію, но и тогда, какъ обращаются къ дѣламъ, необходимо ихъ сопровождающимъ и незаключающимъ въ себѣ ничего несвойственнаго,—и тогда стараются въ этомъ отношеніи примѣняться къ божественной гармоніи. Такой человѣкъ, если побуждается необходимостію сообразовать и упорядочивать извѣстное общество по вѣчной идеѣ сущности,—явится превосходящимъ водемъ и наставникомъ въ разсудительности, справедливости и во всякой гражданской добродѣтели; и народъ уже не будетъ укорять насъ, видя нашу увѣренность, что общество тогда только хорошо устроится, когда его форма мужами мудрыми будетъ начертана по образцу божественному. Философы, вопреки ходу обыкновеннаго нашего законодательства, поступать такъ, что прежде съ корнемъ исторгнуть изъ общества застарѣлые пороки, а потомъ начертать новую форму государства по образцу вѣчной правды, красоты, разсудительности и всякой добродѣтели, чтобы, принимая въ расчетъ условія здѣшней жизни, довести гражданъ и общество до такого совершенства, какое требуется и природою человѣческихъ дѣлъ, и подобіемъ божественнаго образца. Р. 498 С—501 Е. Если же это вѣрно, то философы будутъ такими правителями обществъ, отъ которыхъ нечего больше желать, въ дѣятельности которыхъ не найдется ничего, достойнаго порицанія. Поэтому нельзя не согласиться, что они сдѣлаются дѣтьми царей. Такія явленія будутъ, конечно, рѣдки, однакожь не невозможны. И если явится по крайней мѣрѣ такой одинъ; то и онъ будетъ въ состояніи сдѣлать то, что желаемое нами общество въ человѣческой жизни осуществится. Итакъ, теперь разрѣшено еще одно наше сомнѣніе: возможно ли предначертанное нами государство среди людей и изъ этихъ самыхъ людей? Препятствій къ этому болѣе не представляется. Р. 501 Е—502 С.

Показавъ, каковы должны быть правители государства, Сократъ возвращается къ тому, что прежде обѣщалъ сказать объ ихъ образованіи, и продолжаетъ учить, *какъ и члмъ должны заниматься граждане*, чтобы могли непрестанно охранять благосостояніе общества. Мы сказали, говоритъ онъ, что правители государства должны сильно любить свое отечество; такъ чтобы любовь ихъ не ослаблялась никакими превратностями и за свое постоянство была награждаема. А теперь прибавляемъ, что стражи общества должны быть самыми строгими философами. Правда, немного найдется такихъ, которые бы и украшались требуемыми добродѣтелями стражей, и имѣли свойства философа; потому что обладающіе хорошею памятью, образованностію ума, живостію души, и другими подобными достоинствами, рѣдко съ великодушіемъ и отважностію соединяють надлежащее постоянство и твердость, составляющія мужество. И наоборотъ—люди серьезные и постоянные нерѣдко бываютъ безпечны относительно къ занятію науками и холодны. Поэтому, какъ прежде говорили мы, что наши стражи должны быть разсматриваемы въ трудахъ, опасностяхъ и удовольствіяхъ: такъ теперь говоримъ, что они должны получить образованіе со многихъ отрасляхъ наукъ, чтобы заблаговременно видно было, могутъ ли души ихъ принять силу науки, относящейся къ познанію справедливости, разсудительности, мужества и мудрости. Эту науку должны они знать не слегка, а изучить обстоятельно. Р. 502 С—504 Е.

Къ этимъ наукамъ надобно присоединить еще важнѣйшую и превосходнѣйшую, о которой доселѣ не было упомянуто, а слѣдуетъ упомянуть. Для нашихъ правителей, или что то же—для философвъ мало—имѣть понятіе о добродѣтели, какъ мы объяснили ее: они должны стремиться къ основательнѣйшему ея уразумѣнію. Имъ нужно созерцать самую *идею блага*, по которой одной все справедливое и похвальное становится полезнымъ и спасительнымъ. Хотя яснаго и опредѣленнаго понятія объ идеѣ его получить намъ нельзя; однакожь безъ ней, и при самой общпрной мудрости, мы будемъ шатки. *Высочайшее благо* многіе поставляютъ въ удовольствіи, а иные ищутъ его въ разумности (*φρονήσει*): но ни тѣ, ни другіе не достигаютъ истины; потому что держащіеся послѣдняго мѣрніи должны, конечно, при-

зваться, что разумность относится не къ чему иному, какъ къ благу, такъ что тѣ впадаютъ въ смѣшное заблужденіе, которые, полагая, что высочайшее благо состоитъ въ разумности, это самое—разумность снова относятъ къ благу, а что такое оно само въ себѣ, опредѣлить не могутъ. Не менѣе ошибаются и тѣ, которые высочайшее благо поставляютъ въ удовольствіи: ибо ни немогутъ не согласиться, что бываютъ удовольствія и худыя; а отсюда само собою слѣдуетъ, что въ удовольствіи блага искать нельзя. Весьма многіе останавливаются еще на томъ, что высочайшее благо представляютъ себѣ какбы нѣкоторый видъ добродѣтели: но когда дѣло идетъ о приобрѣтеніи блага, всѣ, оставивъ видъ, ищутъ самой истины; такъ что всѣ явно влекутся сильнѣйшимъ желаніемъ блага, и познаніе его какъ вообще людямъ, такъ особенно нашимъ стражамъ, совершенно необходимо. Вѣдь нельзя имѣть полного и совершеннаго знанія даже о честномъ и справедливомъ, если не видно, почему это благо. Если же весьма трудно представить себѣ самую идею блага и ясно высказать, что такое оно; то въ настоящемъ случаѣ довольно будетъ начертать *его образъ*. Но прежде чѣмъ это сдѣлаемъ, припомнимъ нѣчто изъ того, въ чемъ прежде согласись. Р. 505 А.—507 А. Есть два рода вещей: одинъ, къ которому относятся вещи многообразныя и разнообразныя, напримѣръ, хорошія, красныя, честныя; другой заключаетъ въ себѣ тѣ, которыя всегда одинаковы и не измѣняются, каковы—доброе, честное, прекрасное, разсматриваемое само въ себѣ. Тотъ родъ мы постигаемъ чувствами, а этотъ созерцаемъ умомъ. Изъ тѣлесныхъ чувствъ самое благородное, безъ сомнѣнія, есть зрѣніе: потому что прочія чувства, какъ, напримѣръ, осязаніе и слухъ, для ощущенія вещей, не требуютъ никакого средства; а когда хочешь что-нибудь усмотрѣть зрѣніемъ, — кромѣ способности зрѣнія и предмета, требуется еще нѣчто третье, безъ чего предметъ усмотрѣнъ быть не можетъ. Это третье есть не иное что, какъ свѣтъ, получаемый отъ солнца. Солнце пливаетъ свѣтъ для нашихъ очей и производитъ то, что мы можемъ усматривать подлежащія чувствамъ предметы. Вотъ обѣщанный мною образъ высочайшаго блага: ибо какъ солнце помогаетъ тѣлеснымъ очамъ усматривать окружающіе насъ пред-

меты; такъ идея блага помогаетъ уму познавать высечувственныя вещи. И такъ, высочайшее благо есть то, которое и познаваемымъ нами вещамъ доставляетъ истинность, и нашему уму, относительно вещей божественныхъ, темному, сообщаетъ познание истины. Поэтому, познание и истина—сколь ни прекрасныя вещи, однакожь то благо своимъ достоинствомъ далеко превышаетъ ихъ, ибо служить имъ причиною. И какъ свѣтъ и зрѣніе, хотя и сродны съ солнцемъ, однакожь не должны быть съ нимъ смѣшиваемы: такъ истина и познание, хотя и подобны нѣсколько тому благу, однакожь не суть то самое благо. И въ этихъ, конечно, ясно познается превосходство блага; но къ тому прибавляется еще нѣчто, чѣмъ оно возбуждаетъ въ насъ величайшее пзумленіе, и по чему весьма походитъ на солнце. Вѣдь какъ солнце вещамъ чувствопостигаемымъ доставляетъ не то одно, что онѣ бываютъ усматриваемы, но вмѣстѣ даетъ имъ и пищу, чтобы онѣ раждались и росли: такъ и благо, о которомъ говоримъ, даруетъ всѣмъ вещамъ не то одно, что онѣ познаются, но и то, что онѣ существуютъ; потому что само оно своею силою—выше всего и въ ихъ числѣ не заключается. Р. 507 А—509 В. Теперь мы видимъ, что это благо точно такъ же господствуетъ въ родѣ вещей вѣчныхъ и постоянныхъ, какъ солнце владычествуетъ надъ вещами чувствопостигаемыми. Но вещей есть два рода, и какъ тотъ, такъ и другой подраздѣляются на два равныхъ вида, изъ которыхъ одинъ заключаетъ въ себѣ самыя вещи, а другой—образы вещей. Именно, что подлежатъ чувствамъ, то—или самыя вещи, какъ, напримѣръ, животныя, растенія, произведенія искусства, — или образы тѣхъ вещей, каковы — тѣни и фигуры, видимыя въ водѣ или зеркалѣ. Такимъ же образомъ и познаваемое умомъ по справедливости можно подраздѣлять на два вида: къ одному изъ нихъ относятся чистыя идеи, чрезъ созерцаніе которыхъ происходитъ то, что мы, начавъ отъ подположеній, восходимъ въ началу безусловному, — а другой заключаетъ въ себѣ формы смѣшанныя, подлежащія чувствамъ, пользуясь которыми, мы по необходимости дѣлаемъ выводы изъ подположеній и идемъ уже не къ началу, а къ концу. Такъ поступаютъ и геометры, которые, простираясь отъ подположеній, на-

чертывають треугольникъ и другія фигуры, не для того, чтобы показать самую природу этихъ фигуръ, но чтобы чрезъ начертаніе ихъ легче доказать, что требуетъ доказательства. Но какъ четыре имѣется рода вещей, такъ четыре же соотвѣтствуютъ имъ и дѣятельности души: именно,—чистыя, отрѣшенныя отъ всякой чувственной примѣси идеи мы созерцаемъ *νόησις*; подлежащія чувствамъ образы ихъ познаемъ *διανοία*; чувство-постигаемые предметы усматриваемъ *πίστις*; а образы этихъ послѣднихъ примѣчаемъ догадкою или *εἰκασία*.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Итакъ, каковы тѣ и другіе, — философы и нефилософы, 484. продолжалъ я, довольно долго тянувшуюся бесѣдою, Главконъ, едва кое-какъ обозначилось. — Для бесѣды короткой это было бы, можетъ быть, и нелегко, примолвилъ онъ. — Кажется, нѣтъ, сказалъ я; что, думаю, даже еще лучше показалось бы тому, кому надлежало бы говорить объ этомъ одномъ, не обозрѣвая своимъ изслѣдованіемъ и многого другаго, чѣмъ жизнь справедливая отличается отъ несправедливой. — Что же послѣ сего предстоитъ намъ? спросилъ онъ. — Что иное, какъ не дальнѣйшее, отвѣчалъ я. Такъ какъ философы суть тѣ, которые могутъ хвататься за тожественное и всегда себѣ равное; а блуждающіе во многомъ и измѣнчивомъ — не философы: то кому изъ нихъ надлежитъ быть вождями общества? — Какимъ же образомъ, говоря объ этомъ, мы могли бы сказать дѣльно? спросилъ онъ. — Стражами должны мы поставить тѣхъ, отвѣчалъ я, которые оказываются способными для охраненія законовъ и потребностей общества. — Справедливо, примолвилъ онъ. — А развѣ не явно, сказалъ я, слѣпаго ли надобно избирать въ стражи, или того, кто имѣетъ острое зрѣніе? — Какъ не явно? отвѣчалъ онъ. — Но отъ слѣпаго отличаются ли, думаешь, тѣ, которые, не имѣя истиннаго знанія о существѣ недѣлимаго и не нося въ душѣ никакого живаго образца, не могутъ, подобно живописцамъ, смотрѣть на оригиналь самой истины, созерцать его и со все-

- возможною точностію снимать съ него копию, а потому не могу́ть въ семь случаѣ ни постановлять законовъ относительно прекраснаго, справедливаго и добраго, когда нужно бываетъ постановлять ихъ, ни постановленные охранять такъ, чтобы соблюсти ихъ?—Да, клянусь Зевсомъ, немного отличаются, сказалъ онъ. — Такъ этихъ ли лучше поставимъ мы стражами, или знающихъ существо каждой вещи, а между тѣмъ нисколько не уступающихъ этимъ въ опытности и нечуждыхъ никакой другой части добродѣтели? — Но вѣдь не лѣпо было бы избирать другихъ, если въ прочихъ-то качествахъ они не ниже, сказалъ онъ; потому что это самое, поистинѣ, какъ весьма великое, служило бы имъ преимуществомъ. — И такъ, не поговорить ли намъ, какимъ образомъ они будутъ въ состояніи имѣть и то, и это?—Конечно, поговоримъ, сказалъ онъ.—У насъ въ началѣ бесѣды положено, что сперва надобно уразумѣть природу ихъ; и я думаю, что если мы достаточно согласимся въ ней, то согласимся и въ томъ, что они могутъ имѣть это, и что вождями обществъ надобно быть не инымъ людямъ, а имъ.—Какъ?—Вѣдь касательно природы философовъ мы согласились, что они неизмѣнно любятъ ту науку, которая открывала бы имъ бытіе всегда сущее, а не блуждающее между рожденіемъ и разрушеніемъ.—Согласились.—И что при этомъ они любятъ ее всю¹, прибавилъ я, и добровольно не оставляютъ ни малой ея части, ни великой, ни важной, ни неважной, какъ это найдено прежними нашими изслѣдованіями о честолюбцахъ и любовникахъ. — Ты правду говоришь, сказалъ онъ. — Разсмотри же послѣ сего, — въ природѣ тѣхъ, которые должны быть такими, какими мы говоримъ, не необходима ли къ этому....—Что такое?—Нелжи-

¹ *Любятъ ее всю* — *ὅτι πάσης αὐτῆς*, по точному сочетанію словъ, надлежало бы читать — *παντὸς αὐτοῦ*; потому что подразумеваемое здѣсь и стоящее выше имя — *μάθημα*; но въ мысль философа, вмѣсто *μάθημα*, при этомъ видимо втѣснилось *ἐπιστήμη*. Нѣкоторые филологи *πάσης αὐτῆς* относили къ *τῆς οὐσίας*; но этимъ изгоняется изъ рѣчи всякое понятіе; прежде не было говорено, что философы должны *πάσης οὐσίας ἔρᾶν*.

вость и расположеніе по доброй волѣ отнюдь не принимать
 жи, а ненавидѣть ее, и любить истину?—Да, сообразно, ска-
 залъ онъ.—Нетолько сообразно, другъ мой, но и необходи-
 мо, чтобы любящій по природѣ любилъ все, предмету любимому
 сродное и свойственное.—Правда, сказалъ онъ.—Но мудрости
 нашель ли бы ты что-нибудь свойственнѣе истины?—Какъ
 найти? сказалъ онъ.—Одной и той же природѣ возможно ли
 быть и любомудроу и люболживоу?—Никакъ нельзя.—Поэто- D.
 му, кто существенно любить науку, тотъ долженъ тотчасъ—съ
 самыхъ юныхъ лѣтъ, усиленно стремиться ко всякой истинѣ.—
 Непремѣнно.—Но мы знаемъ, что пожеланія чѣмъ сильнѣе
 влекутся къ чему-нибудь одному, тѣмъ слабѣе бываютъ въ
 отношеніи къ прочему, подобно вытекающему откуда-нибудь
 потоку.—Конечно.—Такъ, у кого они направляются къ нау-
 кѣ и ко всему такому; тотъ, думаю, будетъ имѣть въ виду
 удовольствіе души самой по себѣ, а удовольствія тѣла оста-
 вить, если онъ—философъ не притворно, а по-истинѣ.—Весь E.
 ма необходимо.—Такой—то именно есть человѣкъ разсудитель-
 ный, а не любостыжательный; ибо о томъ, для чего съ вели-
 кими пожертвованіями соблюдаются деньги, гораздо сообраз-
 нѣе заботиться кому-либо другому, чѣмъ ему.—Такъ.—При
 этомъ, когда хочешь различать природу философскую и нефил-
 осфскую, надобно замѣтить еще и то...—Что такое?—Не 486.
 таится ли въ ней низость ¹; ибо малодушіе весьма враждеб-
 но душѣ, всегда желающей въ цѣлости и общности стре-
 миться къ божественному и человѣческому.—Совершенная
 истина, сказалъ онъ.—А кто имѣетъ высокіе помыслы и со-
 зерцаетъ все время и всѣ существа; тому человѣческая жизнь
 можетъ ли, думаешь, казаться чѣмъ-то великимъ?—Невоз- B.
 можно, сказалъ онъ.—Такой будетъ ли почитать и смерть
 чѣмъ-то страшнымъ?—Всего менѣе.—Такъ слабой и низкой

¹ Низость — ἀνελευθερία, по схолиасту, есть синонимическое τῆ μικρολογία, которая ὑπὸ ἀπαιδεύσεως οὐ δύναται εἰς τὸ πᾶν ἀεὶ βλέπειν; а по Фаворину, ὁ φιλοκερδῆς εἰς ταῦτόν ἤκει τῆ ἀνελευθερίῳ, εἰκὸς γὰρ τῷ φιλοκερδεῖ καὶ μικρολόγον εἶναι, εἴτ' οὖν ἀνελευθερον.

природѣ истинная философія, какъ видно, недоступна. — Мнѣ кажется, нѣтъ. — Что же? человекъ благодѣтельный, не любостыжательный, не низкій, не безстыдный можетъ ли быть задорчивымъ или несправедливымъ? — Нѣтъ. — Поэтому, разсматривая душу—философскую и нефилософскую—ты тотчасъ же, съ юныхъ ея лѣтъ начнешь наблюдать, справедлива ли она и кротка, или необщительна и дика. — Конечно. — Да и С. того, я думаю, не оставишь безъ вниманія. — Чего? — Способна ли она къ ученію, или неспособна. Развѣ ты надѣешься, что кто-нибудь иногда можетъ достаточно полюбить то, что дѣлая, дѣлаетъ съ ропотомъ и съ едва замѣтнымъ успѣхомъ? — Не можетъ быть. — Что же? если онъ такъ забывчивъ, что не въ состояніи удержать то, чему учится, — возможно ли ему не быть безъ познаній? — Какъ возможно? — А трудясь безъ успѣха, — какъ ты думаешь? — не будетъ ли онъ, наконецъ, принужденъ ненавидѣть и себя самого, и такую работу? — Д. Какъ не будетъ? — И такъ, душу забывчивую мы не отнесемъ къ числу душъ достаточно философскихъ, и потребуемъ, чтобы она была памятлива. — Безъ сомнѣнія. — Но существо-то съ природою негармоническою и необразованною къ иному ли чему, скажемъ, будетъ влечься, какъ не къ немѣрности? — Къ чему же еще? — А истину немѣрности ли считаешь ты сродною, или мѣрности¹? — Мѣрности. — Слѣдовательно, мы будемъ искать, между прочимъ, разсудка по природѣ мѣрнаго и пріятнаго, который къ идеѣ каждаго сущаго Е. легко ведется естественнымъ своимъ расположеніемъ. — Какъ не будемъ? — Такъ что же? не показалось ли, можетъ быть, тебѣ, что въ душѣ, имѣющей быть достаточно и совершенно причастною сущему, мы разсмотрѣли свойства не необходи-

¹ Значеніе мѣрности Платонъ яснѣе описываетъ въ Филебѣ: *τὸ περὶ μέτρον καὶ τὸ μέτριον καὶ καίριον καὶ πάνθ' ὀπίσθαι τοιαῦτα χρὴ νομίζειν τὴν αἰδίον ἡρῆσθαι εὐσιν*. Этими словами выражаетъ онъ идею безусловнаго блага, сколько можетъ постигать ее человѣчскій умъ и прилагать къ упорядоченію человѣческой жизни. Отсюда *ἐμμέτρος ζῆν* — значить сообразовать свою жизнь съ идеею высочайшаго блага.

мыя и невытекающія одно изъ другаго? — Весьма необходимы, сказалъ онъ. — Сталъ ли бы ты порицать что-нибудь въ 487. такомъ занятіи, какимъ никто не могъ бы удовлетворительно заниматься, не будучи по природѣ памятьнымъ, способнымъ къ ученію, великодушнымъ, пріятнымъ, другомъ и сродникомъ истины, справедливости, мужества, разсудительности? — Такого-то занятія не могъ бы порицать и Момось ¹, сказалъ онъ. — Напротивъ, не этимъ ли однимъ, чрезъ образованіе и развитіе доведеннымъ до совершенства, ввѣрилъ бы ты городъ?—

Сократъ! сказалъ Адимантъ; въ этомъ тебѣ никто не могъ бы противорѣчить. Слушатели твои, внимая тому, что ты говоришь, всякій разъ испытываютъ нѣчто такое: Бывъ увлекаемы каждымъ незначительнымъ вопросомъ, они, по непривычкѣ къ вопросамъ и отвѣтамъ, идутъ вслѣдъ за рѣчью. А потомъ, когда въ концѣ эти незначительныя положенія сносятся, — вдругъ открывается важная ошибка и противорѣчіе прежнимъ положеніямъ. И какъ неопытные въ шашечной игрѣ искусниками въ ней бываютъ до того запираемы, что не знаютъ, куда что двинуть: такъ неопытные и въ этой, другаго рода игрѣ — не шашками, а словами, допускаютъ запирать себя и не знаютъ, что сказать, хотя по-истинѣ дѣло-то вовсе не таково, — говорю это, имѣя въ виду настоящую твою рѣчь. Теперь на каждый твой вопросъ, кажется, никто не могъ бы словесно отвѣчать противорѣчіемъ; а если посмотрѣть на дѣло, что тѣ, которые, посвятивъ себя

¹ Эту пословицу объясняютъ—*Эразмъ* (Chiliad. I, 5, 75) и толкователи *Аристотеля* (ad epist. I, 1, p. 239, ed. Boisson). Известно миеологическое сказаніе, что Момось родился отъ матери—ночи и отъ отца—сна (*Hesiod. in Theog.*). Самъ онъ ничего не дѣлаетъ, а только смотритъ, что дѣлаютъ другіе боги, и подшучиваетъ надъ ними, когда кто упустилъ изъ виду свое дѣло, или сдѣлалъ что-нибудь не такъ. Отъ этого и получилъ онъ имя Момоса, которымъ по-гречески означается порицаніе. Въ дѣлѣ сотворенія человѣка Момось смѣялся надъ Зевсомъ за то, что онъ не устроилъ окна въ грудь, чтобы можно было видѣть происходящее въ сердцѣ. *Витрувій* (pæf. 1, 3) видѣлъ Момоса въ Сократѣ. *Hofmann. Lexic.*

- Д. философіи, не оставляютъ ея, подобно юношамъ, имѣющимъ въ виду образованіе себя, но занимаются ею чрезъ долгое время, — выходятъ большею частію людьми странными, чтобы не сказать, негоднѣйшими. Иные изъ нихъ, кажется, и очень скромны, но занявшись тѣмъ, что ты хвалишь, принимаютъ точно тѣ же черты и дѣлаются бесполезными для общества ¹. — Выслушавъ это, я сказалъ: итакъ, ты думаешь, что говорящіе такимъ образомъ лгутъ? — Не знаю, отвѣчалъ онъ, но охот-
Е. но желалъ бы слышать твое мнѣніе. — Можешь слышать, что мнѣ слова ихъ кажутся справедливыми. — Но какъ же хорошо будетъ сказать, спросилъ онъ, что города не прежде избавятся отъ бѣдствій, какъ тогда, когда начальствовать надъ ними будутъ философы, которыхъ мы признаемъ бесполезными для обществъ? — Ты предлагаешь вопросъ, требующій отвѣта въ формѣ подобія, сказалъ я. — А ты-то, думаю, не имѣешь обычая говорить подобіями, примолвилъ онъ. —

- Пускай, сказалъ я. Завлекши меня въ такое неудобораз-
488. рѣшимое изслѣдованіе, ты смѣешься? Выслушай же подобіе, чтобы еще болѣе узнать, съ какимъ трудомъ я уподобляю. Въдъ состояніе людей самыхъ скромныхъ — въ отношеніи къ городамъ столь тяжело, что въ такомъ состояніи не найдешь ни одного; и кто уподобляетъ и защищаетъ ихъ, тотъ долженъ избирать черты изъ многаго, какъ рисуютъ живописцы, смѣшивая козла съ оленемъ. Итакъ, представь себѣ, что будетъ вотъ какой начальникъ одного или многихъ кораблей.
В. По росту и силѣ, онъ больше всѣхъ на кораблѣ, но глуховать, недалеко видитъ и мало знаетъ корабельное дѣло въ другихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ матросы спорятъ между собою за должность рулеваго: каждый думаетъ, что кораблемъ управлять долженъ онъ, хотя никогда не изучалъ этого искусства и не можетъ указать ни на своего учителя, ни на время, когда учился, даже утверждаетъ, что ему и не учатся, а

¹ Объ этомъ порицаніи философіи см. Theaet. p. 133 C sqq. Gorg. p. 483 — 486 C, гдѣ Калликль порицаетъ тѣхъ, которые занимаются ею во всю жизнь, въ той мысли, что познакомиться съ нею хорошо только для шутки.

кто говоритъ, что учатся, того готовъ изрубить въ куски. Такъ вотъ они, непрестанно бѣгая около начальника корабля, просятъ и все дѣлаютъ, чтобы имъ ввѣренъ былъ руль. Иногда одни изъ нихъ не убѣждаютъ его, но другіе убѣждаютъ, и тогда прочихъ или убиваютъ, или сбрасываютъ съ корабля, благороднаго же начальника связавъ или мандрагорою ¹, или виномъ, или чѣмъ другимъ, овладѣваютъ кораблемъ, захватываютъ, что въ немъ есть, потомъ пьютъ, пируютъ и плаваютъ такъ, какъ свойственно подобнымъ людямъ. Въ это время, кто въ состояніи былъ помочь имъ—убѣжденіемъ или силою получить власть надъ начальникомъ корабля, того они хвалятъ, называя его морякомъ, кораблеводителемъ, человекомъ знающимъ дѣло корабельное; а кто не таковъ, того порицаютъ, какъ человѣка бесполезнаго, вовсе не понимая, что истинному кораблеводителю необходимо наблюдать времена года и дня, небо, звѣзды, вѣтры и все, относящееся къ этому искусству, если онъ намѣренъ въ самомъ дѣлѣ управлять кораблемъ, и думая, что для управленія имъ, независимо отъ того, хочетъ ли кто этого или не хочетъ, не нужно Б. ни искусства, ни опытности, вмѣстѣ съ наукою кораблевожденія. Тогда какъ это бываетъ съ кораблями, не думаешь ли, что плователи на устроенныхъ такъ корабляхъ кораблеводителя истиннаго будутъ въ самомъ дѣлѣ называть верхоглядомъ ², человекомъ пустымъ и бесполезнымъ?—И очень, 489. сказалъ Адимантъ. — Мнѣ кажется, примолвилъ я, что для тебя нѣтъ надобности видѣть это подобіе въ его раскрытіи, что, то-есть, имъ выражается извѣстное расположеніе городовъ къ истиннымъ философамъ; ты понимаешь, что я говорю. — Конечно, отвѣчалъ онъ. — И такъ, кто удивляется, что философы не пользуются въ городѣ честію, тому ты пред-

¹ Мандрагора — растеніе, по схоластику, имѣющее силу усыплять. Interpr. ad Lucian. Tim. § 2.

² Въ Греціи философовъ называли обыкновенно верхоглядами — *μετωροσκοποις*, чаще же всего прилагали это имя къ Сократу. Apolog. Socr. p. 18 В, снес. Schol. ad Aristoph. Nubb. v. 97.

ставъ сперва это подобіе и постарайся убѣдить его, что гораздо удивительнѣе было бы, еслибы они пользовались. —

В. Представлю, сказалъ онъ. — Тотъ человекъ говорить въ самомъ дѣлѣ правду, что скромнѣйшіе въ философіи бесполезны для общества: но причиною бесполезности ихъ вели ему почитать тѣхъ, которые не пользуются ими, а не самихъ скромныхъ; ибо какъ караблеводителю неестественно просить матросовъ, чтобы они подчинялись ему, такъ и мудрецу естественно идти къ дверямъ богачей ¹, и кто хвастливо высказалъ эту мысль, тотъ ошибся. Но правдѣ-то бываетъ такъ, что богатъ ли больной или бѣденъ, — ему необходимо идти къ дверямъ врача; а всякому, имѣющему нужду быть подъ управленіемъ, — къ дверямъ челоѣка, способнаго управлять. Не правителю, отъ котораго дѣйствительно ожидали бы пользы, слѣдуетъ просить, чтобы управляемые подчинились ему. Итакъ, тотъ удивляющійся не погрѣшить, если нынѣшнихъ властительствующихъ политиковъ уподобить недавно упомянутымъ нами матросамъ, а тѣхъ, которыхъ они называютъ людьми бесполезными и верхоглядами, — истиннымъ караблеводителямъ. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Такъ вотъ и въ этихъ видахъ наилучшему занятію нелегко благоденствовать подъ управленіемъ тѣхъ, которые занимаются противнымъ. Но гораздо большее и опаснѣйшее искушеніе для философіи бываетъ со стороны людей, приписывающихъ себѣ это самое дѣло; объ нихъ-то ты, обвиняя философію, говоришь, что многіе, обращающіеся къ ней, являются людьми

¹ Здѣсь Сократъ, повидимому, указываетъ на ходившую въ его время въ народъ мысль, что не богатые толкаются у дверей философовъ, а наоборотъ — философы у дверей богатаго. Схолиастъ, по поводу этой мысли, приводитъ разговоръ Сократа съ Эввуломъ. Хваставшагося Эввула, говоритъ онъ, Сократъ спросилъ: чѣмъ хочешь ты быть, Эввуль, — мудрымъ, или богатымъ? Тотъ отвѣчалъ: богатымъ; потому что мудрецы, какъ видимъ, нерѣдко спятъ у дверей богатаго. Сократъ же на это очень остроумно замѣтилъ: мудрецы-то, сказалъ онъ, знаютъ, что имъ нужно изъ того, что для удовлетворенія необходимымъ ихъ потребностямъ раздають, если хотятъ, богатые; а эти, — богатые-то, не знаютъ, (что для удовлетворенія ихъ нуждамъ раздають мудрецы). Въдѣ челоѣческая добродѣтель всякому желающему дается чрезъ уроки мудрецовъ.

негоднѣйшими. А что самые скромные—безполезны, это, и по моему мнѣнію, ты говоришь справедливо. Не такъ ли?—Да.—Итакъ, мы разсмотрѣли причину безполезности людей скромныхъ.—Конечно разсмотрѣли.—Не хочешь ли, разсмотримъ теперь необходимость негодности многихъ и, если возможно, Е. постараемся доказать, что причина и этого заключается не въ философій?—И очень.—Послушай же, начнемъ рѣчь припоминаніемъ того, изъ чего мы вышли: какую, то-есть, природу необходимо имѣть человѣку, чтобы онъ сдѣлался честнымъ и добрымъ? Его, если помнишь, прежде всего должна руководить истина, которую онъ обязанъ былъ преслѣдовать 490. всегда и вездѣ; или иначе:—мошенникъ къ истинѣ философій никакъ не способенъ.—Да, такъ было говорено.—А это одно не сильно ли противорѣчитъ нынѣшнимъ мнѣніямъ о томъ же предметѣ?—Конечно, сказалъ онъ.—Такъ не достаточно ли защитимъ мы то положеніе, что человѣкъ, по природѣ дѣйствительно любящій науку, стремится къ существу и не останавливается на кажущейся сторонѣ множества недѣлимыхъ, но идетъ, не ослабѣвая и не оставляя своей любви—дотолъ, В. пока природы того самаго, что есть, не коснется тою частію души, которую свойственно касаться ей? а свойственно—частію ей сродною, которою сближаясь и соединяясь съ истинно сущимъ, она раждаетъ умъ и истину, познаетъ, живетъ истинною жизнію, питается, и такимъ образомъ освобождается отъ болѣзни рожденія; прежде же этого нѣтъ.—Весьма достаточно, сколько есть возможности, сказалъ онъ.—Такъ что же? такому человѣку естественно будетъ—любить ли какую-нибудь ложь, или, совершенно напротивъ,—ненавидѣть ее?—Ненавидѣть, сказалъ онъ.—А когда руководитель С. ницею бываетъ истина, —мы не скажемъ, думаю, что ее сопровождаетъ вереница золъ.—Какъ можно?—Но здравый и правый нравъ;—а за тѣмъ слѣдуетъ и разсудительность.—Правда, сказалъ онъ.—Впрочемъ, какая надобность снова возвращаться къ началу и устанавливать весь рядъ качествъ философской природы? Ты, вѣроятно, помнишь, что къ этому при-

- соединялись—мужество, великодушіе, способность къ ученію, память. Потомъ ты ввязался, что каждый принужденъ будетъ
- D. согласиться съ тѣмъ, что мы говоримъ, и оставивъ разсужденіе о предметѣ, обратилъ вниманіе на тѣхъ, о комъ шла рѣчь, и прибавилъ: каждый скажетъ, что однихъ между этими людьми находятъ бесполезными, а многихъ зараженными всякаго рода зломъ. Наконецъ, мы стали искать причины этого соблазна и пришли къ настоящему разсужденію, отчего многіе изъ нихъ злы, а для сего снова ухватились за природу истинныхъ философовъ и по необходимости опре-
- E. дѣлили ее.—Такъ, сказалъ онъ.—Теперь, продолжалъ я, надобно разсмотрѣть порчу этой именно природы, какъ она у многихъ повредилась,—не коснувшись только немногаго — тѣхъ, которыхъ называютъ хотя и незлыми, однакожь без-
491. полезными; потомъ порчу, подражающую ей и принимающую на себя ея дѣло, и то, каковы бываютъ природы душъ, которыя, направляясь къ этому занятію недостойно и не по силамъ, и многократно погрѣшая, вездѣ и отъ всѣхъ навлекли на философію то мнѣніе, о какомъ ты говоришь. — Какія же порчи разумѣешь ты? спросилъ онъ. — Это, если будетъ для меня возможно, постараюсь раскрыть тебѣ, отвѣчалъ я. Въ томъ-то всякій, думаю, согласится, что природа, имѣющая все, сейчасъ же ей приписанное нами, чтобы быть при-
- B. родою совершенно философскою, рѣдко рождается и рѣдка бываетъ между людьми. Или не думаешь?—И очень.—А когда она рѣдка,—смотри, какъ многочисленно и велико все гибельное. — Что же именно?—До крайности удивительно слышать, что душу губитъ и отвлекаетъ отъ философіи каждое изъ тѣхъ свойствъ, которыя мы хвалили въ ея природѣ, — разумію мужество, разсудительность и все, что разсмотрѣ-
- C. ли.—Странно слышать, сказалъ онъ. — Да еще сверхъ того, продолжалъ я, развращаютъ и отвлекаютъ ее всѣ такъ называемыя блага, — красота, богатство, крѣпость тѣла, сильное родство въ обществѣ и все тому подобное. Вообще—ты, конечно, понимаешь, что я говорю.—Понимаю, сказалъ онъ,

однакожь охотно выслушалъ бы эти слова въ большей подробности. — Такъ обоими вѣрно все это, примолвилъ я, — и мое положеніе покажется тебѣ яснымъ, и ты не будешь почитать страннымъ то, что мною предположено. — Какъ же прикажешь? спросилъ онъ. — Относительно всякаго сѣмени или естественнаго произведенія, — растеніе ли то будетъ, или животное, — намъ извѣстно, отвѣчалъ я, что каждое изъ нихъ, не получивъ ни пищи, какая ему свойственна, ни воздуха, ни мѣста, — чѣмъ бываетъ крѣпче, тѣмъ въ ббольшихъ нуждается потребностяхъ; ибо зло противоположнѣе добру, чѣмъ недобру. — Какже — И такъ, естественно, думаю, что наилучшая природа, воспитанная болѣе чуждою пищею, выходитъ хуже плохой. — Естественно. — Не скажемъ ли же, Адимантъ, продолжалъ я, что и самыя даровитыя души, получивъ худое воспитаніе, становятся особенно худыми? Развѣ ты думаешь, что великія неправды и чистая злокачественность происходятъ отъ плохой, а не отъ превосходной природы, когда она испорчена пищею, и что природа слабая будетъ когда-нибудь причиною великихъ либо благъ, либо золь? — Нѣтъ, я согласенъ съ тобою, сказалъ онъ. — И такъ, если по- 492. ложимъ, думаю, что природа философа получила надлежащее образованіе, то она необходимо возрастетъ во всякой добродѣтели; а когда, бывъ засѣяна и возвращаема, питалась не надлежащею пищею, — проявитъ всѣ противныя тому свойства, развѣ, можетъ быть, не поможетъ ли ей кто-нибудь изъ боговъ. Или и ты думаешь, какъ толпа, что нѣкоторые юноши бываютъ развращаемы софистами, и что софисты-развратители въ чемъ-либо, достойномъ вниманія, суть люди частные, а не тѣ, которые, говоря это, сами выдаютъ себя за великихъ софистовъ, и берутся — какъ юношей, такъ и стариковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, воспитывать въ совершенствѣ и дѣлать ихъ такими, какими хотятъ ¹? — Когда

¹ Здѣсь Сократъ раскрываетъ ту мысль, что юноши развращаются главнымъ образомъ не софистами, какъ наставниками частными, а народною толпою,

- же это? спросилъ онъ.—Тогда, отвѣчалъ я, когда, густыми массами засѣдая либо въ народныхъ сходкахъ, либо въ судилищахъ, либо въ театрахъ, либо въ лагеряхъ, либо въ какомъ иномъ многочисленномъ собраніи, они съ великимъ шумомъ однѣ изъ рѣчей или дѣлъ бранятъ, а другія хвалятъ, и какъ то, такъ и это сопровождаютъ слишкомъ сильными иногда криками, иногда рукоплесканіями. Къ тому же и стѣны и мѣсто, гдѣ они сходятся, усугубляютъ шумъ какъ порицаній ихъ, такъ и похвалъ. Въ такомъ сборищѣ юноша, просто сказать, какое, думаешь, получить расположеніе? или какое, частное его воспитаніе будетъ столь твердо, что, заливаемое такимъ порицаніемъ или похвалою, не увлечется потокомъ ихъ туда, куда они направляютъ его? Не станетъ
- D. ли питомецъ называть похвальнымъ и постыднымъ то же, что они, заниматься тѣмъ же, чѣмъ они, и не сдѣлается ли самъ такимъ же?—По всей необходимости, Сократъ, сказалъ онъ.—Однакожь мы еще не упомянули о самой великой необходимости, замѣтилъ я.—О какой? спросилъ онъ.—О той, которую эти воспитатели и софисты, не употребляя убѣжденія, прилагаютъ къ слову самымъ дѣломъ. Развѣ ты не знаешь, что неубѣждающагося они наказываютъ безчестіемъ, деньгами и смертію? — И очень знаю, сказалъ онъ.—Итакъ,
- E. какой другой софистъ, или какія частныя рѣчи, противорѣча имъ, будутъ, думаешь, имѣть силу?—Думаю, никакой, отвѣчалъ онъ.—Конечно никакой, примолвилъ я. Да безумно

когда она собирается или въ судебныхъ мѣстахъ, или на площадяхъ, или въ театрахъ, или въ притонахъ общественныхъ игръ и увеселеній. Во всѣхъ подобныхъ собраніяхъ одинъ какой-нибудь ораторъ, или просто смѣлый говорунъ, отчаянными парадоксами возбуждаетъ вниманіе толпы и исторгаетъ у ней рукоплесканія. При выраженіи такихъ восторговъ хулы или похвалы, что дѣлать неопытному юношѣ? Куда обратиться? Гдѣ взять начало для своихъ убѣжденій? Естественно увлекается онъ большинствомъ и, какъ овца, идетъ за толпою, а толпа — за своимъ ораторомъ-говорунномъ, котораго побужденія вовсе не въ истинѣ, а въ самолюбіи, въ личныхъ своихъ расчетахъ на толпу. Его цѣль не та, чтобы народное мнѣніе направить къ пользѣ общества, а чтобы приковать его къ своей личности, заставить говорить о себѣ. Бѣда, гдѣ заведутся такіе официальные ораторы, и гдѣ толпа такъ слѣпа!

было бы и рѣшаться на это; ибо нѣтъ, не было, и вовсе не будетъ ¹ иного человѣческаго образа мыслей, относительно добродѣтели, кромѣ того, который внушается ихъ воспитаніемъ, другъ мой: божественнаго же, по пословицѣ, мы не коснемся ²; ибо надобно твердо знать, что кто въ такомъ состояніи отъ общественныхъ формъ спасся, и остался какимъ долж- 493.
но, того—говоря такъ, ты нехудо скажешь—того спасло Божіе

¹ *И вовсе не будетъ* — οὐδὲ οὖν μὴ γένηται. Сугубое употребленіе отрицанія у Платона весьма обыкновенно. Libr. X, p. 597 C: οὐτε ἐφυτεύθησαν ὑπὸ τοῦ θεοῦ οὐτε μὴ φυῶσιν. Libr. V, p. 473 D: οὐδὲ αὐτὴ ἢ πολιτεία μήποτε πρότερον φυῆ τε καὶ φῶς ἤλιον ἴδῃ. Phaedr. p. 260 E: οὐτε ἔστιν οὐτε μὴ ποτε ὑπέρως γένηται. Phileb. p. 15 E: ἀλλ' οὐτε μὴ παύηται ποτε οὐτε ἤρξατο οὖν, al. Но почему такое двойное отрицаніе не дѣлаетъ смысла положительнымъ, а напротивъ, увеличиваетъ, повидимому, силу отрицанія? Тотъ признакъ, что *μὴ* въ подобной конструкціи поставляется съ сослагательнымъ наклоненіемъ, даетъ поводъ думать, что Греки въ этомъ случаѣ подразумѣвали какой-нибудь глаголь, отъ котораго бы зависѣло *μὴ*, какъ, напримѣръ: *δεινόν ἐστι, φόβος ἐστί, φοβητέον, δεικνύτέον, ἐνδυμητέον ἐστί*. Притомъ, такъ какъ аористъ сослагательнаго наклоненія послѣ *μὴ* выражаетъ самостоятельность всякаго времени; то подъ аористомъ сослагательнаго наклоненія можно разумѣть и время будущее, какъ, напримѣръ, Омиръ (Odys. XVI, 437) разумѣлъ его въ словахъ: *οὐκ ἔσθ' οὗτος ἀνὴρ οὐδ' ἔσεται οὐδὲ γένηται*. Гораздо труднѣе объяснить, почему οὐ *μὴ* иногда поставляется съ будущимъ временемъ изъявительнаго наклоненія. Мнѣ кажется, что если это случается не въ рѣчи вопросительной, то должно происходить тоже отъ опущенія какого-нибудь слова. Напримѣръ, въ стихѣ Аристофана (Ran. v. 508), *μὰ τὸν Ἀπόλλω, οὐ μὴ σε περιόφομαι ἀπελθόντα*, надобно, повидимому, послѣ *μὴ* разумѣть глаголь *ἀμφισβητεῖν*, или другой подобный; такъ что этотъ стихъ по-русски со всею точностію слѣдовало бы выразить такъ: клянусь Аполлономъ, я увѣренъ, что не буду равнодушенъ, смотря на твой уходъ. Такимъ образомъ, къ будущему времени относится собственно οὐ, а *μὴ* — къ глаголу подразумѣваемому. Впрочемъ въ слѣдствіи, отъ частаго употребленія такой конструкціи, у Грековъ эллипсисъ въ этомъ случаѣ вышелъ изъ сознанія. Оттѣнокъ разницы можно опредѣлить только замѣчаніемъ, что кто говоритъ: *οὐ γένησεται ταῦτα*, тотъ просто отрицаетъ предполагаемое въ будущемъ событіе; а кто полагаетъ: *οὐ μὴ γένηται ταῦτα*, или *οὐ μὴ γενήσεται ταῦτα*, тотъ отрицаетъ будущее такъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ и собственное чувство или убѣжденіе въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, послѣднее отрицаніе обнаруживаетъ большую силу, какъ нѣмецкое: *nein, wohl nicht*.

² *κατὰ τὴν παροιμίαν ἐξαίρωμεν λόγον*. См. Sympos. p. 176 C. Платонъ разумѣетъ, вѣроятно, пословицу: *τὸ θεῖον ἐξαίρω λόγον*. Она, повидимому, служила оговоркою въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь собесѣдниковъ склонялась къ кощунству надъ предметами, имѣвшими связь съ религіею или ея обрядами. По-русски можно бы перевести ее: божественное въ сторону.

заступленіе¹. — И мнѣ не иначе кажется, примолвилъ онъ. — Итакъ, кромѣ этого, пусть кажется тебѣ еще вотъ что, продолжалъ я. — Что такое? — Каждое изъ частныхъ наемныхъ лицъ, которыхъ сами же они называютъ софистами и почитаютъ своими сореовнвателями, преподаетъ не иное что, какъ ученіе толпы, произносимое въ ея собраніяхъ, и называетъ ея мудростію. Это такъ, какъ еслибы кто изучалъ наклонности и пожеланія огромнаго и сильнаго, откормленнаго звѣря, какимъ образомъ подходить къ нему и касаться его, когда дѣлается онъ раздражительнымъ или кроткимъ, и отъ чего, какіе, при каждомъ случаѣ, обыкновенно издаетъ онъ звуки, и отъ какихъ, произносимыхъ другими звуковъ, укрощается и свирѣпѣетъ; изучивъ же все это чрезъ обхожденіе съ нимъ и чрезъ долговременный опытъ, назвалъ бы свое знаніе мудростію и, составивъ его въ видѣ искусства, обратился бы къ школьному преподаванію его; на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не зналъ бы, что въ этихъ ученіяхъ и пожеланіяхъ похвально или постыдно, хорошо или худо, справедливо или несправедливо, но все сіе опредѣлялъ бы мнѣніями огромнаго животнаго, называя добромъ, что ему пріятно, а зломъ—на что оно досаждаетъ, другаго же понятія не имѣлъ бы объ этомъ, и необходимое почиталъ бы справедливымъ и похвальнымъ, а какъ много на самомъ дѣлѣ различія между природою необходимаго и природою добраго, того и самъ не видѣлъ бы, и другому бы показать не могъ. Ради Зевса! будучи такимъ-то, не показался ли бы онъ тебѣ страшнымъ учителемъ?—Показался бы, сказалъ онъ.—Отличается ли отъ него, по твоему мнѣнію, тотъ, кто мудрость поставляетъ въ наблюденіи надъ наклонностію и удовольствіями многихъ

¹ У Сократа было всегдашнее убѣжденіе, что если политики и поэты говорятъ и дѣлаютъ что-нибудь хорошо, то говорятъ и дѣлаютъ это, основываясь не на какихъ-нибудь рациональныхъ началахъ, или при свѣтѣ яснаго сознанія, а такъ просто—*ἔτι μῦθος*. Такой взглядъ на политиковъ достаточно высказывается въ Менонѣ (р. 97 В. 100 В), а на поэтовъ—въ Апологіи (р. 22 В) и Іонѣ (р. 534 А).

и разнохарактерныхъ людей въ собраніи — относительно ли то живописи, или музыки, или самыхъ рѣчей политическихъ? ибо кто вступаетъ съ ними въ сношеніе, показывая имъ или поэму, или иное произведеніе, либо оказывая услугу обществу, и отдается на судъ этой толпы, того нудить крайняя, или такъ называемая діомидовская ¹ необходимость — дѣлать именно то, что они похвалили бы. А что это по-истинѣ и хорошее и похвальное дѣло, — ты когда-нибудь слышалъ уже отъ кого-либо причину на то не смѣшную. — Нѣтъ, я думаю, что и не услышу, сказалъ онъ. — Такъ понявъ все это, вспомни о **Б.** слѣдующемъ. Само ли прекрасное, а не многія прекрасныя вещи, или, само ли отдѣльное, а не многія отдѣльныя вещи, толпа допустить и признаетъ бытіемъ? — Всего менѣе, ска- **494.** залъ онъ. — Слѣдовательно, толпѣ невозможно быть философскою? сказалъ я. — Невозможно. — И людей философствующихъ, стало-быть, она необходимо порицаетъ? — Необходимо. — Равно какъ порицають ихъ и тѣ частныя лица, которыя, обращаясь съ народомъ, желаютъ ему нравиться? — Явно. — Въ такихъ обстоятельствахъ какое видишь ты спасеніе философской природѣ, чтобы, оставаясь при своихъ занятіяхъ, дойти ей до конца? Понимай это изъ прежняго. Въдъ мы уже согласились, **В.** что этой природѣ свойственны любознательность, память, мужество, великолѣпіе. — Да. — Такъ не будетъ ли такой вдругъ первымъ изъ всѣхъ между дѣтми ²: особенно если тѣло его

¹ Диомидовская необходимость выставляется здѣсь какъ пословица, для означенія необходимости крайней, величайшей или неизбежной. Но о происхожденіи этой пословицы нельзя сказать ничего опредѣленнаго, и критики въ этомъ отношеніи разногласятъ. См. Scholiast. ad h. l., Schol. ad *Aristoph. Ecclesiaz.* v. 1021. *Zenobius et Suidas.* Не взята ли эта пословица отъ того случая подъ Троею, которымъ поставленъ былъ Диомидъ въ крайнюю необходимость ранить Венеру, когда эта богиня, желая закрыть отъ стрѣлы любимца своего Энея, стала впереди его?

² *Первымъ изъ всѣхъ между дѣтми*, *ἐν πᾶσιν ὁ τοιοῦτος πρῶτος ἔσται ἐν ἀπασι.* Явно, что *ἐν πᾶσιν* здѣсь ошибка переписчика. *Guil. de Geer.* (*Diatrib. in Polit. Platon. Principia* p. 58) очень правдоподобно, вмѣсто *ἐν πᾶσιν*, читаетъ *ἐν παισίν.* Это оправдывается отчасти и дальнѣйшими словами: *ἐπαίδων πρεσβυτερος κ. τ. λ.* Съ этимъ возстановленіемъ чтенія согласенъ и Астъ.

- устроится соотвѣтственно душѣ? — Какъ не будетъ? сказалъ онъ. — И когда, я думаю, состарѣтся онъ, тогда захотятъ воспользоваться имъ въ своихъ дѣлахъ и ближніе и граждане. —
- С. Какъ не воспользоваться? — Стало-быть, будутъ униженно и съ почтеніемъ просить его, предваряя и заискивая будущую его силу. — Такъ обыкновенно бываетъ, сказалъ онъ. — Что же, думаешь, спросилъ я, сдѣлаетъ такой человѣкъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, — особенно если, кромѣ того, случится ему быть гражданиномъ великаго города ¹, богатымъ, благороднымъ, да еще благообразнымъ и высокимъ? не исполнится ли онъ чрезвычайной надежды, что, въ качествѣ вождя, будетъ способенъ управлять дѣлами Эллиновъ и варваровъ, и
- Д. чрезъ то высоко возмечтаетъ о себѣ, безумно надмѣваясь своею фигурою и суетными представленіями? — И очень, сказалъ онъ. — Но если тогда, какъ онъ такимъ образомъ настроенъ, кто-нибудь тихонько подойдетъ къ нему и скажетъ правду, что у него нѣтъ ума, а умъ ему нуженъ, и онъ пріобрѣтается лишь тогда, когда помогаютъ пріобрѣсть его, — легко ли будетъ, думаешь, выслушать ему столь неприятное слово? — Далеко до того, отвѣчалъ онъ. — А еслибы ужъ, продолжалъ я, благодаря хорошей своей природѣ и внимательности къ
- Е. рѣчамъ, онъ сколько-нибудь и одумался, склонился и направился къ философіи, — какъ, думаемъ мы, поступятъ тѣ, которые пришли теперь къ мысли, что польза отъ него и дружба его — потеряны? Не будутъ ли они все дѣлать и говорить ему, чтобы онъ не вѣрилъ, а когда уже повѣрилъ, — чтобы не въ силахъ былъ осуществить свое желаніе, строя для того замыслы частно и перенося ихъ въ народныя собранія? —

¹ Можно догадываться, что Платонъ рисуетъ здѣсь портретъ Алкивіада, которому, дѣйствительно, принадлежали всѣ свойства, какими Сократъ характеризуетъ молодаго честолюбиваго человѣка. Тѣ же самыя свойства приписываются ему и въ Платоновомъ діалогѣ, носящемъ имя Алкивіада 1. Основываясь на близкой связи означеннаго разговора съ этимъ мѣстомъ Государства, Шлейермахеръ полагаетъ, что Алкивіадъ I есть не иное что, какъ развитіе взятой отсюда темы, сдѣланное какимъ-нибудь подражателемъ Платона.

Весьма необходимо, сказалъ онъ. — И такъ, можно ли ему какъ-нибудь философствовать? — Не очень. — Вотъ же видишь, примолвилъ я, мы нехудо сказали, что и самыя выгоды философской природы, когда она дурно воспитывается, нѣкоторымъ образомъ служатъ причиною того, что ея назначеніе не достигается, какъ и назначеніе такъ называемыхъ благъ — богатства и всѣхъ предметовъ этого рода? — Конечно нехудо; мы сказали вѣрно, отвѣчалъ онъ. — Такова-то гибель, почтеннѣйшій, продолжалъ я; такъ-то велико и обширно поврежденіе даже лучшей природы для превосходной дѣятельности, хотя эта природа, какъ сказано, и рѣдка. Отъ такихъ-то людей и для городовъ и для частныхъ лицъ проистекаетъ какъ величайшее зло, такъ и добро, если они къ тому стремятся: слабая же природа никогда и никому — ни частному лицу, ни городу, не сдѣлаетъ ничего великаго. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — И эти люди, выступивъ изъ той колеи, изъ которой выступать имъ особенно не слѣдовало¹, оставляютъ философію сухою и несовершенною и ведутъ жизнь имъ несвойственную и неистинную; а къ философіи, между тѣмъ, лишившейся родства, приступаютъ другіе, недостойные, и срамятъ ее, подвергаютъ укоризнамъ; — и тогда, какъ и ты сказалъ, порицатели порицаютъ ее за то, что изъ людей, занимающихся ею, одни ничего не стоятъ, а другіе — и такихъ много — заслуживаютъ величайшихъ золь. — Да, это дѣйствительно говорятъ, отвѣчалъ онъ. — И справедливо говорятъ, примолвилъ я; ибо иные человѣчишки, видя, что эта область осталась пустою, а между тѣмъ она полна прекрасныхъ именъ и украшеній, съ радостію перескакиваютъ въ нее изъ области искусствъ, ищутъ убѣжища въ ея святилищѣ, вырвавшись будто изъ-подъ замка; и скрываются въ немъ всегда по своему искусству самыя хвастли-

¹ Изъ которой выступать имъ особенно не слѣдовало. Такъ перевожу я текстъ Платона, слѣдуя чтенію списковъ Vind. Vat. г.: οἷς μάλιστα οὐ προσήκει; тогда какъ въ другихъ читается: οἷς μάλιστα προσήκει. Первое чтеніе кажется мнѣ болѣе правильнымъ потому, что οἷς видимо относится къ ἐπιτηδεύμασι, а не къ ἐπιτοχάσι. Это же чтеніе одобряетъ и Штальбомъ.

вые. Не смотря однакожь на то, что философія подвергается такой участи, достоинство ея, сравнительно съ другими искусствами, остается возвышеннѣйшимъ, а многіе приступающіе къ ней, между тѣмъ, при несовершенствѣ своей природы, съ одной стороны, отъ искусства и мастерства чувству-
 Е. ютъ поврежденіе въ тѣлѣ, съ другой—отъ руководѣнья, испытываютъ разслабленіе и оцѣпененіе души ¹. Не необходимо ли?—И очень, сказалъ онъ. —Итакъ, кажется ли тебѣ, продолжалъ я, что они, если посмотрѣтъ, отличаются отъ выпущеннаго недавно изъ тюрьмы лысаго и маленькаго кузнеца, который, наживъ денегъ, вымылся въ банѣ, надѣлъ новое платье,—нарядился, какъ женихъ, и, пользуясь бѣдностію и отсутствіемъ господина, хочетъ жениться на его дочери?—
 496. Немного различія, сказалъ онъ. —Подумай, какихъ дѣтей должны родить подобные люди? не смѣшанной ли и худой породы?—Весьма необходимо.—Что же? если приступаютъ къ воспитанію люди, нестоющіе воспитанія, и пользуются имъ не по достоинству, — какія, скажемъ, родятся отъ нихъ помыслы и мнѣнія? Не правда ли, что изъ устъ ихъ услышишь только софизмы и ничего искренняго, ничего достойно держащагося мысли истинной?²—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Слишкомъ же мало, Адимантъ, остается тѣхъ, продол-
 В. жалъ я, которые достойно занимаются философіею. Это — или благородное, хорошо воспитанное сердце, но попавшее въ ссылку, и вдали отъ отравляющихъ его людей, по своей природѣ, остающееся вѣрнымъ философіи; или великая душа,

¹ По замѣчанію схоластика, претендентами на философію въ Греціи были особенно мастеровые, и притомъ болѣе всего тѣ, которые, по роду своихъ искусствъ, обращались съ огнемъ. На это указываетъ и слѣдующее далѣе подобіе.

² *Ничего, достойно держащагося мысли истинной, οὐδὲ φρονήσεως ἀξιόν ἀληθινῆς ἐχόμενον.* Здѣсь въ греческомъ текстѣ критики находятъ нѣчто поврежденное, полагая, что либо *ἀξιόν*, либо *ἐχόμενον* внесено въ текстъ чуждою рукою; потому что зависимость родительнаго *φρονήσεως ἀληθινῆς* требуетъ только одного изъ этихъ словъ. Но почему *ἀξιόν* не принять въ смыслъ нарѣчія, ограничивающаго причастіе *ἐχόμενον*, какъ принимается оно весьма нерѣдко? Напр., *Χενορῆ. Μεμογ.:* ἀξιόν σοι μέγα φρονεῖν.

родившаяся въ маломъ городѣ и съ презрѣніемъ взирающая на дѣла городскія ; или, можетъ быть, еще небольшое число тѣхъ, которые, при хорошихъ дарованіяхъ, справедливо пренебрегши другое искусство, обратились къ философіи. Можетъ также удерживать при ней и узда нашего друга *Θεαγᾶ*¹; ибо с. въ *Θεαγᾶ* все настроено такъ, чтобы удалиться отъ философіи, и только болѣзненность тѣла удерживаетъ его и отталкиваетъ отъ дѣлъ политическихъ. О нашемъ же божественномъ знаменіи не стоитъ говорить; ибо этого, вѣроятно, ни съ кѣмъ изъ прежнихъ людей не бывало². И изъ тѣхъ немногихъ, кто ощущалъ и ощущаетъ, какъ пріятно и блаженно это занятіе, и достаточно усматриваетъ безуміе толпы, среди которой, можно сказать, ничего не совершишь для дѣлъ городскихъ здраваго, среди которой нельзя даже быть и въ союзѣ съ человѣкомъ, чтобы сохраниться, идя вмѣстѣ съ нимъ на D. помощь людямъ справедливымъ, среди которой, напротивъ, человѣкъ, будто попавъ въ общество звѣрей, и не хочетъ обижать другихъ вмѣстѣ съ ними, и не можетъ одинъ противустоять неистовству всѣхъ ихъ, и прежде чѣмъ успѣетъ оказать пользу городу или друзьямъ, оказывается бесполезнымъ для себя и для другихъ: тотъ, обсуживая все это, сохраняетъ спокойствіе и дѣлаетъ свое дѣло, подобно человѣку, который отъ града и вздымаемаго вѣтромъ бурнаго вихря спрятался подъ стѣною; тотъ, смотря, какъ исполняются беззаконій другіе, радъ, если самъ остается чистымъ отъ неправды E. и дѣлъ незаконныхъ, и проводя такимъ образомъ здѣшнюю

¹ Это тотъ самый *Θεαγᾶ*, о которомъ упоминается въ Апологіи Сократа (р. 33 E), т.-е. сынъ Демодоха и братъ Парала. Писатель Апологіи называетъ его ревностнымъ Сократовымъ ученикомъ; а Сократъ теперь говоритъ, что только слабость здоровья привязывала его къ философіи. Впрочемъ, по свидѣтельству Плутарха (*de sanit. tuend.* р. 126 B), *φιλοσοφεῖν ἀρρώστιαι πολλοὺς παρέχουσι*.

² Сократъ касательно своего генія, *τὸ δαιμόνιον*, подтверждаетъ здѣсь то же самое, что говоритъ въ своей Апологіи (р. 31 D, р. 40 A. B), что, то-есть, геній его есть внушеніе божественное, какого не получалъ никто изъ прежнихъ философовъ. Слѣдовательно, прежніе философы съ этой стороны и въ сравненіе не идутъ съ Сократомъ.

жизнь, съ прекрасною надеждою, весело и кротко ожидаетъ своего исхода.— Да, конечно, онъ можетъ дожидаться исхода, 497. не совершивъ и самомалѣйшаго дѣла, сказалъ онъ. — Не совершивъ и величайшаго, примолвилъ я, если попалъ не въ пригодное себѣ правленіе; ибо только въ пригодномъ особенно возвеличится онъ и, вмѣстѣ съ дѣлами частными, спасетъ общественныя.

Итакъ, о философіи, отчего подвергается она порицанію и что порицаютъ ее несправедливо, сказали мы, кажется, довольно, если ты не скажешь еще чего-нибудь. — Я-то ничего болѣе не скажу объ этомъ, примолвилъ онъ: но которое изъ В. существующихъ нынѣ правленій называешь ты для философіи пригоднѣйшимъ?—Никотораго, отвѣчалъ я, и докажу, что ни одно изъ нынѣшнихъ учрежденій городской власти не достойно природы философской;—оттого-то они и извращаются, и мѣняются. Какъ чужеземное сѣмя, посѣянное на другой почвѣ, будучи условливаемо ею, обыкновенно перерождается въ туземное: такъ и этотъ родъ не удерживаетъ теперь своей силы, но переходитъ въ чуждый видъ. Ког- С. да же получить онъ правительство наилучшее, такъ какъ и самъ есть предметъ наилучшій; тогда откроется, что онъ былъ чѣмъ-то по-истинѣ божественнымъ, а прочія природы и упражненія — человѣческими. Явно, что послѣ сего ты спросишь: что это за правленіе?—Не узналъ, сказалъ онъ; я хотѣлъ спросить не о томъ, а вотъ о чемъ: то ли это правленіе, которое раскрывали мы, устроая городъ, или иное?—Что касается до иныхъ,—то, отвѣчалъ я. Это самое D. сказано было и тогда,—что, то-есть, въ городѣ всегда долженъ сохраняться тотъ же характеръ правленія, который имѣлъ въ виду ты, законодатель, когда излагалъ законы.— Да, было сказано, примолвилъ онъ.—Но въ то время это не было достаточно раскрыто, сказалъ я; такъ какъ вы, предзаняты опасеніемъ, объявили, что изслѣдованіе такого предмета будетъ продолжительно и трудно; а между тѣмъ разсмотреть и прочее тоже нелегко. — Что прочее? — Какимъ

образомъ сдѣлать, чтобы городъ, принимаясь за философію, не погибъ; ибо все великое опасно, и прекрасное, по пословицѣ, дѣйствительно трудно.—Однакожь, если объяснишь Е. это, то закончишь изслѣдованіе, сказалъ онъ.—Въ нехотѣніи препятствія не будетъ, примолвилъ я, а развѣ въ безсиліи. Въ настоящемъ случаѣ ты, по крайней мѣрѣ, испытаешь мое рвеніе. Смотри даже теперь, какъ ревностно и безбоязненно я скажу, что противнымъ, а не нынѣшнимъ способомъ городъ долженъ взяться за это дѣло.—Какимъ?—Нынѣ, сказалъ я, и мальчики, принимающіеся за него съ самага дѣтства, занимаются имъ между дѣлами экономіи и торговли; приблизившись же къ труднѣйшей его части, они оставля- 498. ютъ свое занятіе, какбы сдѣлались уже великими философами (говорю о труднѣйшей части въ отношеніи къ слову). А впоследствии, если, по приглашенію другихъ, занимающихся тѣмъ дѣломъ, они и соглашаются быть слушателями, то за великое почитаютъ, когда думаютъ, что надобно упражняться въ этомъ между дѣломъ; къ старости же, исключая немногихъ, угасаютъ гораздо скорѣе Гераклитова солнца, и уже снова не воспламеняются.—Но какъ же должно? спросилъ В. онъ.—Мальчики и дѣти къ дѣтскому образованію ¹ и философіи должны приступать совершенно противнымъ образомъ: имъ нужно сперва приготовить орудіе для философствованія, и потому особенно заботиться о тѣлѣ, пока оно растеть и развивается. Потомъ, въ дальнѣйшемъ возрастѣ, въ которомъ начинаетъ усовершенствоваться душа, надобно напрягать ее упражненіями. А какъ скоро замѣтенъ будетъ упадокъ силъ, С. и эти люди станутъ внѣ гражданскихъ и воинскихъ обязанностей,—они должны уже пастись безъ пастуховъ ² и, если

¹ Къ дѣтскому образованію, *μειραιώδη παιδείαν*. Подъ категорію дѣтскаго образованія схолиастъ подводитъ математическія науки; но, кажется, несправедливо: скорѣе можно разумѣть музыку и гимнастику—тѣмъ болѣе, что Платонъ имѣеть здѣсь въ виду приготовленіе тѣла, *τῶν σωμάτων εἰ μάλᾳ ἐπιμελεῖσθαι*.

² Пастись безъ пастуховъ, *ἀφ᾽ ἑτοῦς νέμεσθαι*. Это самое выраженіе встрѣчали мы въ Протагорѣ (р. 320 А), гдѣ Сократъ прилагаетъ его къ сыновьямъ Перик-

хотятъ жить счастливо, по прожитіи же получить приличный жребій тамъ, то обязаны ничего другаго не совершать, развѣ между дѣломъ. — Ты, кажется, въ самомъ дѣлѣ серьезно говоришь, Сократъ, сказалъ онъ; но я думаю, что многіе изъ слышащихъ это стали бы еще серьезнѣе противорѣчить тебѣ и никакъ не повѣрили бы, начиная съ Тразимаха. — Не ссорь меня съ Тразимахомъ, сказалъ я; мы новые друзья, да и прежде не были врагами. Вѣдь мы не оставимъ ничего безъ испытанія, пока не убѣдимъ и этого и другихъ, и не успѣемъ въ чемъ-нибудь относительно той жизни, въ которую снова родившись, заведемъ тотъ же разговоръ. — Не на долгое же время откладываешь ты ¹, сказалъ онъ. — Даже ни на какое, примолвилъ я, если сравнивать его со всѣмъ. Что этимъ словамъ не вѣритъ толпа, — удивляться нечему. Вѣдь она никогда не видала того, о чемъ теперь говорится, и скорѣе думаетъ, что подобныя слова составляются одно съ другимъ умышленно, а не соединяются сами собою, какъ теперь; она не видывала и человѣка, носящаго въ себѣ образъ и подобіе добродѣтели, и какъ дѣломъ, такъ и словомъ достигшаго до возможнаго совершенства, да еще господствующаго надъ та-
 499. кимъ же городомъ, — не видывала никогда, ни одного ни многихъ ². Или думаешь? — Нѣтъ. — Она не довольно также вслушивалась, почтеннѣйшій, въ прекрасныя и свободныя

ла, которые питались уроками софистовъ. Оно имѣло значеніе пословицы и означало самостоятельное и свободное занятіе философіею. О такомъ именно занятіи говорится и здѣсь: время послѣ увольненія отъ службы, или послѣдніе годы жизни надобно посвящать философіи, для приготовленія къ жизни будущей. Phædon. p. 64 В — 69 Е.

¹ *Не на долгое же время откладываешь ты*, — отвѣтъ, очевидно, ироническій, вызвавшій у Сократа мысль глубоко философскую, что, то-есть, поприще философствованія въ этой жизни, до новаго рожденія въ будущей, въ сравненіи съ вѣчностію ничего не значить. Такая же почти мысль встрѣчается въ книгѣ X, p. 608 С.

² Сократъ хочетъ сказать то, что греческій народъ дошелъ наконецъ до совершеннаго отрицанія истины безсмертія; потому что ученіе объ этомъ считалъ *искусственно* составленною сказкою, чрезъ подборъ словъ и выраженій, а не естественнымъ развитіемъ положеній, вытекающихъ изъ природы человѣческаго духа. Сила такого отрицанія поддерживалась у нихъ и тѣмъ, что они ин-

разсужденія, усиленно и всячески направляемые къ познанію истины и издали раскланивающіяся съ разсужденіями хвастливыми и спорными, имѣющими въ виду не болѣе, какъ славу и словопреніе и въ судахъ, и въ частныхъ собраніяхъ. — И это тоже нѣтъ, сказалъ онъ. — Посему-то, продолжалъ В. я, предвидя тогда это, мы хотя и робко, однакожь, побуждаемые истиною, говорили, что ни городъ, ни правительство, ни даже человекъ—никогда не будутъ совершенными, пока не наступитъ необходимость, хочешь не хочешь, пещись о городѣ и заставить его слушаться тѣхъ немногихъ и нехудыхъ философовъ, которые теперь называются людьми безполезными, или пока либо въ дѣтей, принадлежащихъ владычеству нынѣ и царствующимъ лицамъ, либо въ самыя эти лица, по какому-нибудь божественному вдохновенію, не виѣдрится истинная любовь къ истинной философіи. До С. казывать неосуществимость того либо другаго положенія, или обоихъ вмѣстѣ, я не приписываю себѣ никакого основанія; ибо чрезъ это мы были бы справедливо осмѣяны, что напрасно говоримъ о дѣлѣ, походящемъ на одно желаніе. Не такъ ли? — Такъ. — Поэтому, если людямъ, въ философіи высокимъ, либо приходилось въ непредѣльномъ прошедшемъ времени, либо приходится теперь въ какой-нибудь варварской странѣ,—далеко внѣ круга нашего созерцанія, либо D. придется въ будущемъ по необходимости пещись о городѣ; то мы готовы спорить, что сказанное правительство дѣйствительно было, есть и будетъ, какъ скоро надъ городомъ владычествуетъ сама муза; ибо это не невозможно, и мы говоримъ не невозможное, а только признаемъ это труднымъ. — Да и мнѣ то же кажется, сказалъ онъ. — А толпѣ, спросилъ я, не кажется, говоришь?—Можетъ быть, отвѣчалъ онъ. — Ахъ, почетнѣйшій! примолвилъ я, не обвиняй такъ слишкомъ толпы; вѣдь она измѣнитъ свое мнѣніе, если ты, не споря съ нею, но

когда не видѣли человека, который своими добродѣтелями поднялся бы надъ уровнемъ этихъ жизненныхъ условій и созерцалъ въ себѣ внутреннюю связь времени съ вѣчностію.

- кротко защищая любознательность отъ нареканій, покажешь, какихъ разумѣешь философовъ, и опредѣлишь, какъ недавно, 500. природу ихъ и занятіе, чтобы она не думала, будто говорится о тѣхъ, которыхъ сама разумѣетъ. Если же таково будетъ ея созерцаніе; то скажешь ли, что она не приметъ другаго мнѣнія и не дастъ другихъ отвѣтовъ? Или ты думаешь, что кто-нибудь досадуетъ на человѣка недосадливаго, либо ненавидитъ не ненавидящаго — чуждаго ненависти и кроткаго? Я напередъ говорю тебѣ, что такой тяжелый нравъ встрѣчается, повидимому, въ какихъ-нибудь немногихъ людяхъ, а не въ толпѣ. — И я именно то же думаю, примолвилъ В. онъ. — Не одинаково ли со мною думаешь ты и о томъ, что виновниками враждебнаго расположенія толпы къ философіи бываютъ виѣшніе, которые, вторгаясь въ это, неподходящее къ нимъ дѣло, порицаютъ философовъ, ведутъ себя съ ними презрительно и говорятъ объ этихъ людяхъ, будто они поступаютъ несогласно съ философіею. — Конечно, сказалъ онъ. — А философу между тѣмъ, Адиантъ, если онъ устремилъ С. мысль на истинно-сущее, вѣдь и некогда смотрѣтъ внизъ, — на дѣла человѣческія и, борясь съ ними, исполняться ненавистію и огорченіями: обзрѣвая и созерцая что бы то ни было стройное, никогда неизмѣняющееся, ненаносящее и не терпящее вреда, все существующее чинно и основательно, подобные люди подражаютъ этому и, сколько возможно, уподобляются. Или думаешь, что есть какое-нибудь средство не подражать тому, съ чѣмъ охотно обращаешься? — Невоз- D. можно, сказалъ онъ. — Такъ философъ, обращаясь съ божественнымъ и добропорядочнымъ, дѣлается, сколько это возможно человѣку, добропорядочнымъ и божественнымъ, хотя между всѣми такими людьми велико различіе. — Безъ сомнѣнія. — Поэтому, еслибы философу настояла какая-нибудь необходимость, сказалъ я, — то, что онъ тамъ видитъ, постараться частно и публично внести въ нравы людей, а не себя одного образовать, — худымъ ли, думаешь, былъ бы онъ художникомъ разсудительности, справедливости и всякой граж-

данской добродѣтели? — Всего менѣе, отвѣчалъ онъ. — Но если толпа услышитъ, что мы говоримъ о ней правду, то разсердится ли на философовъ и повѣритъ ли, когда мы скажемъ, что городъ не иначе можетъ благоденствовать, какъ если нарисуютъ его живописцы, пользуясь божественнымъ оригиналомъ? — Не разсердится, сказалъ онъ, если услышитъ. Но о какомъ способѣ рисованья говоришь ты? — Взявъ, какбы доску, городъ и нравы людей, отвѣчалъ я, 501. они сперва пожелаютъ сдѣлать ее чистою; а это не очень легко, и тутъ, знаешь, они будутъ отличаться отъ другихъ тѣмъ, что не тронуть ни частнаго лица, на города, и не будутъ писать законовъ, прежде чѣмъ или получить ¹, или сами сдѣлаютъ ту доску чистою. — Да и справедливо, сказалъ онъ. — Послѣ этого не будутъ ли, думаешь, писать образъ правительства? — Почему не писать? — Затѣмъ, приступая къ работѣ, они, думаю, будутъ то и дѣло поглядывать туда и в. сюда, съ одной стороны — на сущность правды, красоты, разсудительности и на все такое, съ другой — на это самое въ людяхъ, и изъ смѣси, изъ сочетанія ихъ занятій сдѣлаютъ подобіе человѣка, примѣняясь къ тому, что и Омиръ на шель у людей врожденное и назвалъ боговиднымъ и богоподобнымъ². — Справедливо, сказалъ онъ. — И одно, думаю, станутъ они смывать, а другое снова наводить, пока человѣческихъ C. нравовъ не сдѣлаютъ, сколько могутъ, особенно боголюбезными. — Это была бы прекраснѣйшая живопись, сказалъ онъ. — Такъ убѣдимъ ли мы сколько-нибудь тѣхъ, спросилъ я, которые, какъ ты говорилъ, готовы устремиться на насъ за то, что таковъ хваленый нами тогда живописецъ правительствъ,

¹ *Прежде чѣмъ или получить, или* и т. д. Здѣсь *прежде чѣмъ* выражается однимъ словомъ *πρίν*, а не словами *πρίν ἤ*; потому что *ἤ* въ этомъ мѣстѣ есть *либо*, *ἢ παραλαβεῖν καθάραν*, и соответствуетъ второй части рѣчи раздѣлительной, *ἢ αὐτοὶ ποιῆσαι*, то-есть, *τῆ πίνακα καθάραν*. Поэтому *πρίν* относится къ обвѣмъ частямъ дѣленія.

² Омиръ часто называетъ своихъ героевъ богоподобными, *θεοεικέλους*: напр. *Πιάδ. I, 131: θεοεικέλ' Ἀχιλλεύ*; а слово *ἀνδρείκελος*, по Тимееву глоссарію (р. 36), означаетъ *χρῶα ἐπιτηδεῖα ὡς πρὸς ἀνδρὸς μίμησιν*.

- негодую изъ-за него, что мы ввѣряли ему города? слыша те-
перешнія наши слова, сдѣлаются ли они болѣе краткими?—
Конечно, сказалъ онъ, если разсудительны.—Да и что воз-
- D.** разятъ они? неужели то, что философы — не любители су-
щаго и истины?— Это было бы совершенно нелѣпо, сказалъ
онъ. — Или то, что собственная ихъ природа, которую мы
разсмотрѣли, не наилучшая?—И этого не возразить.—Что
же? такая природа, упражняемая надлежащимъ дѣломъ, не
будетъ ли совершенно доброю и философскою, больше чѣмъ
другая? Или такими назовутъ скорѣе тѣхъ, которыхъ мы
- E.** отдѣлили?—Невѣроятно.—Будутъ ли они еще злиться на
насъ за тѣ слова, что пока городъ не станетъ подъ власть
рода философскаго,—не отдохнуть отъ золь ни городу, ни
гражданамъ, и что правительство, которое мы изображаемъ
словомъ, не закончится дѣломъ?—Можетъ быть, не много,
сказалъ онъ.—А хочешь ли, спросилъ я, мы скажемъ, что
они не немного будутъ злы, но совершенно усмирятся и
убѣдятся, такъ что, если не отъ чего другаго, то согласятся
- 502.** отъ стыда? — И очень, сказалъ онъ. — Пусть же будутъ они
убѣждены въ этомъ, продолжалъ я: но кто усомнится въ томъ,
что у царей и властителей могутъ рождаться дѣти съ приро-
дою философскою?—Никто, сказалъ онъ.—А скажетъ ли кто-
нибудь, что родившись, они по крайней необходимости ис-
- V.** портятся? Что трудно имъ сохраниться,—въ томъ согласны
и мы; но что во всѣ времена изъ всѣхъихъ никогда не со-
хранился ни одинъ, — найдется ли кто, сомнѣвающійся въ
этомъ?—Какъ найтись?—А одинъ достаточень, продолжалъ
я, если городъ будетъ послушенъ ему, чтобы совершить все,
нынѣ невѣроятное.—Достаточень, сказалъ онъ.—Вѣдь когда
правитель, примолвилъ я, даетъ законы и должности, кото-
рыя разсмотрѣны нами,—гражданамъ нельзя не хотѣть ис-
полнять ихъ.—Никакимъ образомъ.—Но удивительно ли и
не возможно ли, чтобы кажущееся намъ показалось и дру-
- C.** гимъ?—Я-то не думаю, сказалъ онъ.—А мы прежде, ду-
маю, достаточно разсмотрѣли, что самое-то лучшее есть воз-

можное.—Достаточно.—Итакъ теперь, какъ видно, приходится намъ сказать о законодательствѣ, что то прекрасно, что мы говоримъ, еслибы это сдѣлалось; но сдѣлаться этому трудно, хотя и не невозможно.—Да, приходится, сказалъ онъ.—

Такъ какъ это не безъ труда доведено до конца, то надобно высказать остающееся за тѣмъ,—какимъ образомъ и D. изъ среды какихъ наукъ или занятій произойдутъ хранители государства и въ какомъ возрастѣ долженъ браться за каждое дѣло каждый изъ нихъ.—Конечно, надобно высказать, примолвилъ онъ.—Моя уловка не послужила мнѣ ни къ чему, сказалъ я, что прежде пропущено мною трудное дѣло избранія женъ, дѣторожденія и поставленія правителей—въ той мысли, что это предметъ щекотливый и съ трудомъ осуществимый, хотя совершенно истинный; ибо теперь тѣмъ не E. менѣе настала надобность разсмотрѣть его. Впрочемъ, о женахъ и дѣтяхъ кончено; а что касается правителей, то къ этому надобно приступить какбы сначала. Мы же говорили, если помнишь, что, испытываемые удовольствіями и скорбями, они должны являться какъ любители своего города, и этого убѣжденія не отвергать ни въ трудахъ, ни въ страхѣ, ни въ какой другой превратности: напротивъ, безсильнаго въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отставлять, избирать же вездѣ неукоризненнаго, какъ испытанное огнемъ золото,—и такого ставить правителемъ, такому давать почести и награды въ жизни и по смерти. Такое нѣчто говорили мы, уклоняя слово съ прямого пути и прикрывая его, изъ опасенія двинуть то, что представляется теперь.—Ты весьма справедливо B. говоришь, замѣтилъ онъ; я дѣйствительно помню.—Такъ вотъ тогда, другъ мой, примолвилъ я, у меня не было смѣлости сказать, что теперь; теперь я позволяю себѣ смѣлость положить, что точнѣйшими стражами надобно поставлять философовъ.—Положимъ, сказалъ онъ.—Подумай же, какъ, повидимому, мало будетъ ихъ у тебя; ибо, судя по нашему изслѣдованію,—какова должна быть ихъ природа, части ея обыкновенно рѣдко

- С. прираждаются вмѣстѣ, но почти всегда бываютъ разсѣяны. — Какъ ты говоришь? спросилъ онъ. — Ученые, памятливые, живые, быстрые, и всѣ подобные тому, будучи отважными или, по образу мыслей, возвышенными, не хотятъ, знаешь, въ то же время жить скромно, тихо и постоянно, но увлекаются быстротою, куда случится, и все постоянство ихъ исчезаетъ. — Ты правду говоришь, сказалъ онъ. — Постоянные же и нелегко
- Д. мѣняющіеся нравы, къ которымъ можно бы имѣть болѣе довѣрія, и которые на войнѣ не колеблются страхомъ, когда нужно предпринять подобные труды, такими же опять бываютъ и въ отношеніи къ наукамъ — неподвижными и для познаний невоспримчивыми, какбы оцѣпенѣлыми, — отягощаются сномъ и зѣваютъ. — Это такъ, сказалъ онъ. — А мы сказали вѣдь, что правитель долженъ вполнѣ имѣть то и другое; иначе же не слѣдуетъ давать ему ни особенно точнаго воспитанія, ни почестей, ни власти. — Правильно, сказалъ онъ. — Итакъ, не рѣдкое ли это будетъ явленіе? — Какъ не рѣдкое?
- Е. — Стало-быть, надобно испытать его трудами, страхомъ и удовольствіями, какъ мы и тогда говорили; а о чемъ тогда умолчали, скажемъ теперь, что, то-есть, надобно упражнять его во многихъ наукахъ, наблюдая, въ состояніи ли будетъ ¹ природа его выдержать важнѣйшія изъ нихъ, или она оробѣетъ, какъ робѣютъ люди и въ другихъ случаяхъ. — Да и слѣдуетъ-таки такъ наблюдать, сказалъ онъ. Но какія науки называешь ты важнѣйшими? — Вѣроятно, помнишь, отвѣчалъ я, что, различивъ три вида души ², мы согласились касательно справедливости, разсудительности, мужества и мудрости, что такое каждая изъ этихъ добродѣтелей. — Еслибы не пом-

¹ Въ состояніи ли будетъ природа его выдержать, *εἰ καὶ τὰ — δυνατὴ ἔστιν — ἐνεργεῖν*. Здѣсь *δυνατὴ* стоитъ безъ существительнаго, и въ контекстѣ не видно имени, которое требовало бы этого прилагательнаго въ женскомъ родѣ. Поэтому нѣкоторые критики, наперекоръ всѣмъ спискамъ, читаютъ *δυνατός*. Но вмѣсто этой произвольной перемѣны, кажется, лучше допустить, что писатель, начертывая показанное выраженіе, имѣлъ въ мысли слово *φύσις*, такъ какбы оно стояло впереди, хотя на самомъ дѣлѣ его нѣтъ.

² О трехъ частяхъ души см. кн. IV, р. 439 sqq.

нилъ, сказалъ онъ, то не въ правѣ былъ бы слушать и даль- В.
нѣйшее.—А помнишь ли, что сказано было предъ тѣмъ?—
Что именно?—Мы говорили, кажется, что для возможно луч-
шаго разсмотрѣнія ихъ есть другой путь, дальнѣйшій, кото-
рый еслибы пройти,—онъ сдѣлались бы явными. Впрочемъ,
доказательства на то, что сказано прежде, довольно прило-
жимы, чтобы имъ слѣдовать. Вы положили, что сказанное тог-
да было достаточно, и хотя тогдашнимъ словамъ, какъ мнѣ
казалось, недоставало точности, однакожь рѣшить, нравят-
ся ли они вамъ, могли только вы.—Но мнѣ-то представля-
лись они сообразными, сказалъ онъ; такъ я думалъ, что — и
другимъ.—Между тѣмъ, мѣра подобныхъ вещей, другъ мой, С.
продолжалъ я, если хоть немного не соотвѣтствуетъ сущно-
сти, бываетъ не очень сообразною, ибо ничто несовершенное
ничему не можетъ быть мѣрою, хотя инымъ что-нибудь та-
кое иногда кажется и достаточнымъ, такъ что своихъ изслѣ-
дованій они далѣе уже не простираютъ.—Конечно, сказалъ
онъ; предавшись нерадѣнью, многіе страдаютъ этимъ.—А та-
кая-то страсть, замѣтилъ я, всего менѣе должна находиться
въ стражѣ города и законовъ.—Справедливо, сказалъ онъ.
—Стало-быть, ему, другъ мой, примолвилъ я, надобно идти D.
путемъ длиннѣйшимъ и труды свои направлять не менѣе къ
ученію, какъ и къ гимнастикѣ; а иначе, какъ я сейчасъ ска-
залъ, важнѣйшей и особенно нужной науки никогда не дове-
детъ онъ до конца.—Такъ развѣ не это, спросилъ онъ,—са-
мое важное? развѣ есть еще нѣчто больше справедливости и
того, о чемъ мы разсуждали?—Да, больше, отвѣчалъ я: и эти
самыя добродѣтели надобно созерцать не какъ теперь, въ очер-
таніи, а въ совершеннѣйшей отдѣлкѣ; иначе не смѣшно ли
усиливаться все дѣлать для другихъ, маловажныхъ вещей, E.
чтобы онъ были самыми обработанными и чистыми, а о важ-
нѣйшихъ думать, что онъ недостойны величайшей тщатель-
ности? — Чрезвычайно достойная мысль ¹, сказалъ онъ. Ду-

¹ Чрезвычайно достойная мысль, καὶ μάλα ἄξιον τὸ διανόημα. Явно, что это ἄξιον

маешь ли однако, что тебя отпустить, не спросивши: что такое—важнѣйшая наука, и о чемъ она, по твоему мнѣнію?—Не думаю, отвѣчалъ я; спрашивай,—хотя ты, конечно, нерѣдко слыхалъ объ этомъ, только теперь либо не помнишь, либо

505. умышляешь своимъ возраженіемъ затруднить меня: я предполагаю больше это послѣднее; ибо что важнѣйшая-то наука есть идея добра ¹, отъ участія которой бываетъ и правда, и все полезное и выгодное,—ты слыхалъ многократно, да и теперь почти понимаешь, что объ этомъ намѣренъ я говорить, равно какъ о томъ, что мы достаточно не знаемъ ея; а если не знаемъ, то безъ нея, сколь бы ни хорошо знали прочее, будь

въ контекстѣ вовсе не укладывается. Поэтому Фицинъ замѣняетъ его словомъ *γέλιον*; Фицину потомъ слѣдовалъ и Асть. А Штальбомъ полагаетъ, что вмѣсто *ἄξιον*, вопреки авторитету всѣхъ списковъ, надобно читать *ἀνάξιον*. Но, по моему мнѣнію, здѣсь не нужны никакія предположенія и перемѣны. Кажется, всего вѣрнѣе, что Главконъ произнесъ свое замѣчаніе иронически, и иронически *ἄξιον* принаровилъ къ только что произнесенному Сократомъ *ἀξιούν*, хотя въ этомъ случаѣ, вмѣсто *καὶ μάλλο*, хотѣлось бы читать *ἀλλ' ὑπερρωῶς*.

¹ Важнѣйшею наукою (*μάθημα*) Сократъ называетъ *τὴν τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέαν*, и эту науку далѣе излагаетъ такъ, что имѣть въ виду вопросъ о высочайшемъ благѣ, который въ то время, повидимому, особенно озабочивалъ философъ. Рѣшеніемъ этого вопроса Платонъ нарочито занимается въ Филебѣ, гдѣ учитъ, что жизнь не дѣлаетъ счастливою ни одно удовольствіе безъ знанія, ни одно знаніе безъ удовольствія, но что первое должно быть соединено съ послѣднимъ, чтобы, взаимно соединенныя, они взаимно умѣрялись въ идеѣ высочайшаго блага. Впрочемъ, въ Филебѣ философъ разсматриваетъ высочайшее благо относительно къ жизни человѣка; а здѣсь имѣетъ въ виду безусловную или абсолютную его сторону, то-есть самую идею высочайшаго блага, которой тамъ касается только слегка—въ концѣ діалога. Изъ этого можно заключать, что Платоновое Государство вышло въ свѣтъ позднѣе Филеба. Идея высочайшаго блага, по Платону, есть не иное что, какъ взглядъ на абсолютное добро и совершенство, въ которомъ все существующее должно воспринимать въ себя истину и порядокъ и быть понимаемо умомъ. Поэтому высочайшее благо полагается *ἐπέκεινα τῆς οὐσίας* и описывается такими возвышенными выраженіями, что все, ему усвояемое, какъ будто должно принадлежать только Богу. Послѣ сего неудивительно мнѣніе многихъ, что подъ раскрываемою здѣсь идеею блага Платонъ разумѣлъ самого Бога. См. *Tiedemann. Argumenta Dialogg. p. 210. Morgenstern. Commentt. de Plat. Republ. p. 154. Richter. de ideis Plat. p. 78 sqq.* Есть однакожъ основаніе думать, что *ἰδέα τῆς ἀγαθοῦ*, или, какъ въ книгѣ VII, p. 517 В: *ἡ τελευταία τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα*, которую философъ въ другихъ мѣстахъ называетъ *τὸ θεόν, τὸ πατέρα, τὸ ἀρχήν*, была отличена имъ отъ самого высочайшаго блага въ смыслѣ объективномъ. См. ниже p. 509 А.

увѣренъ, не получимъ никакой пользы, — все равно, какъ еслибы приобрѣли что-нибудь безъ добра. Думаешь ли, что В. много значить—приобрѣсть всякое стяжаніе безъ стяжанія добраго, или, все другое разумѣть, а что такое—красота и добро, не разумѣть?—Я-то, клянусь Зевсомъ, не думаю, сказалъ онъ. —Тебѣ извѣстно даже и то, что черни добромъ кажется удовольствіе, а людямъ изящнымъ разумѣніе¹. — Какъ не казаться?—И признающіе это, другъ мой, не могутъ сказать, какое разумѣніе, но принуждены бывають наконецъ назвать его разумѣніемъ добра.—Довольно смѣшно, сказалъ онъ.— Да какъ не смѣшно, примолвилъ я, если, упрекая насъ, что мы С. не знаемъ добра, говорятъ намъ опять, какъ знающимъ его? Они называютъ самое добро разумѣніемъ добра², какъ будто мы понимаемъ, что высказывается ими, когда произносится добро только по имени.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.— Что же? тѣ-то, которые добро опредѣляютъ удовольствіемъ, въ меньшемъ ли, думаешь, находятся заблужденіи, чѣмъ другіе? Не принуждены ли и эти признаться, что удовольствія у нихъ—зло³?—Да и очень.—Такъ имъ слѣдуетъ, думаю, согласиться, что добро и зло — тождественны. Не правда ли? — D.

¹ См. Phileb. p. II, A sqq. На людей изящныхъ, *κομφοτέρους*, здѣсь указывается, повидимому, не безъ насмѣшки, и подъ ними Сократъ разумѣетъ, кажется, Мегарцевъ, особенно Евклида, который, по свидѣтельству *Диог. Лаэртия* (II, 106), τὸ ἀγαθὸν πολλοῖς ἀπερρίετο ἰνὸς μὴ καλοῦμενον ὅτι μὲν γὰρ φρόνησιν, ὅτι δὲ θεόν, καὶ ἄλλοτε νοῦν, καὶ τὰ λοιπά. Что касается до слова *κομψός*, то оно собственно значить — роскошный, изысканный, относительно одежды, поступи, устной рѣчи и проч. Платонъ часто употребляетъ его въ смыслѣ ироническомъ, особенно когда говоритъ о вычурности или чопорности человѣка въ какомъ-нибудь отношеніи. Напр., Euthyphr. p. 52 B. Phileb. p. 89 E. Lys. p. 111 B, et al. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій *κομψόν* значить то же, что *πανούργον*, *ἀπατητικόν*.

² Тѣ *κομφοτέροι*, бывъ принуждены согласиться, что разумѣніе само по себѣ не есть высочайшее благо, а должно только относиться къ благу, потому что разумѣнію необходимо быть разумѣніемъ чего-нибудь, впадають въ смѣшное заблужденіе: отказывая намъ въ разумѣніи блага, они однакожъ смотрятъ на насъ такъ, какъ будто благо намъ совершенно извѣстно; потому что оно состоитъ, говорятъ, въ разумѣніи блага. Итакъ, въ греческомъ текстѣ *αὐτό* надобно относить къ предшествующему τὸ ἀγαθόν, какбы стояло: *φασι γὰρ αὐτὸ εἶναι φρόνησιν ἀγαθοῦ*.

³ Анализъ второй истины особенно тонокъ и подробенъ въ Филебѣ p. 12 C sqq.

- Д. Что же болѣе?—Стало-быть, не явно ли, что недоумѣнія касательно добра велики и многочисленны?—Какже.—Но что? не явно ли опять и то, что справедливое и прекрасное, хотя и не сущее, а кажущееся, избирается однакожъ многими, многими дѣлается, приобрѣтается и преслѣдуется¹; а приобрѣтеніе кажущагося добра ни для кого не бываетъ еще достаточно: всѣ ищутъ блага сущаго, мнѣніемъ же здѣсь всякій пренебрегаетъ.
- Е. —И очень, сказалъ онъ.—Такъ касательно блага, которое преслѣдуетъ всякая душа и для котораго все дѣлаетъ, гадая о какомъ-то его бытіи, но недоумѣвая и не имѣя силъ достаточно понять, что такое оно, ни обнять его твердою вѣрою, какъ другіе предметы, отчего не достигается и прочихъ благъ, еслибы что было полезно ей, — касательно такого-то и столь
506. великаго блага должны, скажемъ такъ, слѣпотствовать даже тѣ наилучшіе люди въ городѣ, которымъ мы намѣрены ввѣрить все.—Всего менѣе, сказалъ онъ.—Поэтому думаю, продолжалъ я, что справедливость и красота, если не будетъ извѣстно, почему онѣ добры, не найдутъ себѣ значительно достойнаго стража въ томъ, кто не знаетъ добра; даже предсказываю, что никто напередъ и не узнаетъ ихъ достаточно.—Да
- В. и хорошо предсказываешь, сказалъ онъ.—Не тогда ли государство будетъ у насъ совершенно устроено, когда станетъ смотрѣть за нимъ такой стражъ, который знатокъ въ этомъ?—Необходимо, сказалъ онъ. Но ты-то, Сократъ, знаніемъ ли называешь добро, или удовольствіемъ, или чѣмъ другимъ кромѣ этого?—Охъ ты прекрасный человѣкъ! воскликнулъ я; знаю и давно извѣстно, что тебя не удовлетворитъ нравящееся въ этомъ отношеніи другимъ.—Да вѣдь и несправедливо, мнѣ кажется, Сократъ, примолвилъ онъ, мочь высказывать сомнѣнія другихъ, а своего не высказывать, когда я
- С. столько времени занимался этимъ.—Что же? спросилъ я: спра-

¹ Преслѣдуется, въ греческомъ подлинникѣ *δοκεῖν*: но догадка Аста, что здѣсь надобно читать *διώκεν*, мнѣ кажется правдоподобною; а поправка Штальбома—*τοιοῦτοι δοκεῖν*—не объясняетъ мысли.

ведливымъ ли кажется тебѣ, чтобы кто-нибудь говорилъ, какъ знающій, о томъ, чего не знаетъ?—Конечно несправедливо, какъ знающій, сказалъ онъ, но какъ думающій то, что думаю, я хочу говорить.—Что же? спросилъ я, не сознаешь ли ты, что всѣ мнѣнія безъ знанія постыдны, и что даже самыя лучшія изъ нихъ слѣпы¹? Кажется ли тебѣ, что тѣ отличаются отъ слѣпцовъ, идущихъ прямо по дорогѣ, которые думаютъ что-нибудь истинное безъ ума?—Никакъ, сказалъ онъ.—Такъ ты хочешь созерцать постыдное, слѣпое и кривое, тогда какъ D. отъ другихъ можно слышать свѣтлое и прекрасное? — Нѣтъ, ради Зевса, Сократъ, сказалъ Главконъ, не останавливайся, какъ будто бы уже конецъ; ты удовлетворишь намъ, если размотришь и добро, какъ разсмотрѣлъ справедливость, рассудительность и другія добродѣтели. — А меня-то, другъ, примолвилъ я, это тѣмъ болѣе удовлетворить; только бы не оказаться несостоятельнымъ и, ревнуя безъ толку, не возбудить смѣха. Впрочемъ теперь, почтеннѣйшіе, самое благо, E. что такое оно, мы оставимъ; ибо то, что представляется мнѣ въ эту минуту, повидимому, потребуетъ большаго разсужденія, чѣмъ какое соотвѣтствуетъ настоящему стремленію. Но о томъ, что явно есть плодъ блага и уподобляется ему, я готовъ говорить, если вамъ угодно; а когда негодно, оставимъ.—Нѣтъ, говори, сказалъ онъ; рассказъ же объ отцѣ представишь въ другой разъ. — Желалось бы мнѣ, сказалъ я, имѣть 507. силу представить его и принести вамъ, но — только не какъ нынѣшніе росты. Этотъ плодъ и ростъ блага² вы получите;

¹ О различіи между знаніемъ и мнѣніемъ, по ученію Платона, см. Theaet. p. 190 A sqq. Sophist. p. 263 sqq. Sympos. p. 200 A. Menon. p. 97 B sqq. de Republ. V, p. 477 A.

² Здѣсь—игра словомъ *τόκος*, которое, во-первыхъ, есть то же, что *ἐκροτος*, вторыхъ, — ростъ или проценты. См. *Aristot. Polit. I, 10. Pollux. III, 85*. Поэтому, представленіе самаго блага Платонъ называетъ *отцомъ* (капиталомъ), а то, что происходитъ изъ самаго блага, какбы *плодомъ* его (ростомъ). Отсюда въ греческомъ текстѣ слова — *ὑποδοῦλαι, ἀποτίσεις*, которыя, чтобы не потерять изъ виду аллегорію, я перевожу словомъ *представить*. Эту же аллегорію встрѣчаемъ *Politic. p. 267 A*. Выраженіе: *фалшивый счетъ роста* указываетъ на тѣ философскіе выводы, которые далеко не соотвѣтствуютъ основанію (капиталу),

однакожь берегитесь, чтобы я не-хотя не обманулъ васъ, подсовывая вамъ фальшивый счетъ роста.—Будемъ беречься, по возможности; только продолжай.—Согласившись съ вами, началъ я, и припомнивъ сказанное вамъ прежде и многократно говоренное уже въ другихъ случаяхъ...—Что говоренное?

- В. спросилъ онъ. — Многообразное прекрасное и многообразное доброе, отвѣчалъ я, что все порознь называемъ и опредѣляемъ словомъ.—Конечно называемъ.—Само прекрасное, само доброе, и такъ все, что тогда полагали, какъ многое, мы называемъ опять по единой идеѣ каждаго и утверждаемъ, что она одна въ каждомъ.—Такъ.—И говоримъ, что тѣ многія недѣлимости видятся, но не мыслятся; а идеи опять, мыслятся, но не видятся.—Безъ сомнѣнія.—Чѣмъ же въ насъ самихъ видимъ мы видимое?—Зрѣнимъ, сказалъ онъ.—Тоже не слухомъ ли,—слышимое, и не другими ли чувствами—все чувствуемое? спросилъ я.—Какже?—Такъ понялъ ли ты, спросилъ я, какую драгоценную силу видѣть и быть видимымъ создалъ зиждитель чувствъ?—Не очень, сказалъ онъ.—Но смотри сюда. Нуждаются ли слухъ и звукъ въ иномъ родѣ, чтобы первый слышалъ, а послѣдній былъ слышимымъ, такъ что, если не привзойдетъ это третіе,—слухъ не будетъ слышать, а звукъ не будетъ слышимъ?—Ни въ какомъ¹, сказалъ онъ.—А вѣдь думаю, продолжалъ я, что и многія другія чувства, чтобъ не сказать—никоторое, не нуждаются ни въ чемъ подобномъ. Или ты можешь указать на которое-нибудь?—Я-то не могу, сказалъ онъ.—Но не замѣчаешь ли,

изъ чего выводятся. Иногда мысли о высочайшемъ благѣ выводятъ не изъ высочайшаго блага, котораго не знаютъ; а наоборотъ — само высочайшее благо опредѣляютъ характеромъ своихъ мыслей, которыя созрѣли на домашней почвѣ. Иногда судятъ не о копіи по оригиналу, а напротивъ—объ оригиналѣ по копіи, забывая, что эта копія, отъ худаго обращенія съ нею, приобрѣла много своеобразнаго, запятнана, загрязнена, обезображена. Въ такомъ случаѣ она будетъ, конечно, плодомъ, непохожимъ на отца, или фальшивымъ счетомъ роста на капиталъ.

¹ Мы, конечно, извинимъ Платона за отрицаніе посредствъ между слухомъ и звукомъ: въ его время законы акустики еще не были достаточно раскрыты; тогда не знали истины, извѣстной нынѣ всякому, что въ безвоздушномъ пространствѣ никакой слухъ не услышитъ никакого звука.

что зрѣніе и зримое нуждаются? — Какъ? — Пусть въ очахъ будетъ зрѣніе, и имѣющій его желалъ бы воспользоваться имъ: но хотя бы очамъ и присущи были цвѣта, — если не призойдетъ третій, особенно къ тому назначенный родъ, — зрѣніе, знаешь, ничего не увидитъ, и цвѣта останутся незримиыми. — О чемъ же это говоришь ты? спросилъ онъ. — О томъ именно, что ты называешь свѣтомъ, отвѣчалъ я. — Справедливо, сказалъ онъ. — Стало-быть, немаловажна идея — чувство зрѣнія и сила быть зримымъ: онѣ сочетались¹ такимъ союзомъ, который цѣннѣе другихъ союзовъ, если только свѣтъ можетъ быть оцѣняемъ. — Конечно, далеко не можетъ, сказалъ онъ. — Такъ кого же изъ небесныхъ боговъ признаешь ты господствующею причиною, по которой свѣтъ дѣлаетъ то, что зрѣніе у насъ прекрасно видитъ, а зримое видится? — Того же, кого и ты, и другіе, сказалъ онъ: явно, что спрашиваешь о солнцѣ. — Не прирождено ли² наше зрѣніе къ этому богу? — Какъ? — Солнце не есть ни зрѣніе само по себѣ, ни то, въ чемъ оно находится, и что мы называемъ глазомъ. — Конечно нѣтъ. — Глазь есть только солнцеобразнѣйшее, думаю, В. изъ чувственныхъ орудій. — И очень. — Такъ и сила, которую имѣетъ это орудіе, не получается ли какбы хранящаяся въ немъ, въ видѣ истечения? — Безъ сомнѣнія. — Слѣдовательно, и солнце, хотя оно не зрѣніе, не есть ли причина зрѣнія, которымъ само усматривается? — Такъ, сказалъ онъ. — Полагай же, примолвилъ я, что это-то называется у меня порожденіемъ блага, поколику оно родило подобное себѣ благо. Что значитъ самое благо въ мѣстѣ мыслимомъ по отношенію къ уму и къ умо-созерцаемому: то же значитъ и солнце въ мѣстѣ видимомъ по отношенію къ зрѣнію и къ зримому. — Какъ? спросилъ онъ; раскрой мнѣ это. — Глаза, продолжалъ я, когда направляютъ ихъ С.

¹ *Они сочетались*, разумѣется: сочетались τὸ ἀκούειν καὶ τὸ ἀκούεσθαι, τὸ ὁρᾶν καὶ τὸ ὁραέσθαι, а не зрѣніе и свѣтъ. Поэтому и выше ἢ τοῦ ὁραέσθαι δύναμις относится не къ свѣту, а къ предмету, имѣющему способность быть видимымъ.

² *Не прирождено ли*, ἄρ' οὐκ ἐφικεῖν, — то-есть не условливается ли наше зрѣніе этимъ богомъ?

не къ тому, чего цвѣтнoсть озаряется дневнымъ свѣтомъ, а къ тому, что освѣщается ночнымъ сіяніемъ, — знаешь ли, тупѣютъ и почти слѣпнуть, какъ будто бы въ нихъ не было чистаго зрѣнія? — И очень, сказалъ онъ. — А когда, напротивъ, они, думаю, ясно видятъ то, что озаряется солнцемъ, тогда открывается, что въ тѣхъ же самыхъ глазахъ есть зрѣніе. — Конечно. — Такъ вотъ такъ помышляй здѣсь и о душѣ: когда направляется она къ тому, что озаряется истиною и сущимъ, тогда уразумѣваетъ это и познаетъ, и явно имѣетъ умъ; а если она вращается въ томъ, что покрыто мракомъ, что раждается и погибаетъ, то водится мнѣніемъ и тупѣетъ, перерачивая свои мнѣнія такъ и сякъ, и походитъ на то, что не имѣетъ ума. — Конечно походитъ. — Такъ это, доставляющее истинность познаваемому и дающее силу познающему, называй идеею блага, причиною знанія и истины, поколику она познается умомъ. Вѣдь сколь ни прекрасны оба эти предметы — знаніе и истина, ты, предполагая другое еще прекраснѣе ихъ, будешь предполагать справедливо. Какъ тамъ —

509. свѣтъ и зрѣніе почитать солнцеобразными — справедливо, а солнцемъ — несправедливо: такъ и здѣсь оба эти предметы, — знаніе и истину, признавать благовидными — справедливо, а благомъ которое-нибудь изъ нихъ — несправедливо; но природу блага надобно ставить еще выше. — О чрезвычайной красотѣ говоришь ты, сказалъ онъ, если она доставляетъ знаніе и истину, а сама красотою выше ихъ: вѣдь не удовольствіе же, вѣроятно, разумѣешь ты подъ нею? — Говори лучше, примолвилъ я, и скорѣе вотъ еще какъ созерцай ея

В. образъ. — Какъ? — Солнце, скажешь ты, доставляетъ видимымъ предметамъ не только, думаю, способность быть видимыми, но и рожденіе, и возрастаніе; и пищу, а само оно не раждается. — Да какъ же! — Такъ и благо, надобно сказать, доставляетъ познаваемымъ предметамъ не только способность быть познаваемыми, но и существовать¹ и получать отъ него

¹ То благо, говоритъ Платонъ, сообщаетъ познаваемымъ вещамъ не только

сущность, тогда какъ благо не есть сущность, но по достоинству и силѣ стоитъ выше предѣловъ сущности.— Тутъ Глав. С. конь съ громкимъ смѣхомъ воскликнулъ: о Аполлонъ! какая гигантская ипербола?—Ты же виновать, примолвилъ я, заставивъ меня говорить о благѣ то, что мнѣ кажется.—Да и не переставай, сказалъ онъ, и если что, то продолжай раскрывать подобіе съ солнцемъ,—когда что-нибудь остается.—И многое-таки остается, сказалъ я.—Такъ не оставляй ни малѣйшаго обстоятельства, примолвилъ онъ.—Думалъ бы пропустить многое, сказалъ я; но сколько будетъ возможно въ настоящее время, добровольно не пропущу.—Да, не надо, примолвилъ онъ. D. —Итакъ помысли, продолжалъ я: мы говоримъ, что есть два предмета, и одинъ изъ нихъ царствуетъ надъ родомъ и мѣстомъ мыслимымъ, а другой опять надъ видимымъ, -- не говорю — надъ небомъ, чтобы не показалось тебѣ, будто я хитрю, пользуясь двузначенательностію слова ¹. Такъ удержишь ли ты эти два вида—видимый и мыслимый?—Держу.—Возьми же для

способность быть познаваемыми, но и силу существовать, тогда какъ само оно, по внутренней своей природѣ, изъято изъ ряда сущностей и своимъ достоинствомъ, силою и могуществомъ далеко выше ихъ. Этому мѣсту весьма много свѣта придаетъ разговоръ, озаглавленный именемъ Парменида. Тамъ философъ между прочимъ говоритъ, что τὸ ἐν, то-есть одно само по себѣ и безконечное, поколику не имѣетъ оно никакого свойства и формы, есть ничто P. 137 С. — 142 В), и потому чуждо истины и не можетъ быть предметомъ познанія для человѣческаго ума. Напротивъ, τὸ ἐν ὄν, то-есть, εἴ ἐστι, одно конечное, имѣющее форму, образъ, способъ, есть все, поколику принимаетъ въ себя разнообразіе извѣстныхъ формъ, и потому можетъ быть предметомъ мнѣнія, ощущенія, знанія (P. 142 В — 155 Е). Положимъ, Платонъ постановилъ, что та безконечная сущность міра мыслимаго, — есть ли это нѣчто, только соединенное съ Богомъ, или самъ Богъ, — по извѣстнымъ законамъ распредѣлена на образы и формы: затрудненіе и темнота этой мысли, при такомъ представленіи, исчезаетъ. Въ этомъ случаѣ благо условливаетъ существованіе всѣхъ вещей, такъ какъ вещи отъ него приняли свои формы. Изъ этого уже понятно, почему благо само въ себѣ посылается ἐπέλεγε τῆς οὐσίας πρῶτα καὶ δυνάμει ὑπερέχειν.

¹ *Надъ видимымъ, — не говорю: надъ небомъ, чтобы не показалось тебѣ, что я хитрю, пользуясь двузначенательностію слова.* Слова: видимое и небо у насъ — понятія отдѣльныя и никакой двузначенательности не представляютъ. Но по-гречески это — τὸ δ' αὖ ὄρατον, ἵνα μὴ οὐρανὸν εἶπὼν δόξω κ. т. л.; а въ словахъ ὄρατός и οὐρανός Платонъ находилъ двузначенательность, или возможность замѣнять ихъ одно другимъ. Въ Кратилѣ слово: οὐρανός, производитъ онъ отъ ὄφης ὄρῳτα τὰ ζῷα. Отсюда — οὐρανός ἐστι ὄρατον.

сравненія линію, раздѣленную на двѣ равныя части, и каждую часть опять раздѣли такимъ же образомъ,—одну рода видимаго, другую—мыслимаго, и у тебя въ видимомъ, по относительной ясности и неясности, одна часть будетъ состоять изъ образ-
 Е. зовъ¹. А образами я называю, во-первыхъ, тѣни, потомъ изображенія въ водѣ и въ томъ, что сложилось какъ густое, гладкое, прозрачное, и все такое, если понимаешь.—Понимаю.—
 Теперь положи другое, къ чему оно подходит, то-есть: окру-
 510. жающихъ насъ животныхъ, всякую растительность и весь родъ рукодѣля.—Полагаю, сказалъ онъ.—А хотѣлъ ли бы ты, спросилъ я, чтобы въ это дѣленіе вошли — истина и неистина, чтобы, то-есть, удерживаемое мнѣніемъ такъ относилось къ знаемому, какъ уподобляемое относится къ тому, чему уподобляется?—Я-то и очень хочу, сказалъ онъ.—Раз-
 в. сматривай же опять и часть мыслимаго: надобно ли разсѣчь ее? — Какъ? — Душа принуждена искать одну свою часть на основаніи предположеній, пользуясь раздѣленными тогда частями, какъ образами, и идя не къ началу, а къ концу: напротивъ, другую ищетъ она, выходя изъ предположенія и простираясь къ началу непредполагаемому, безъ тѣхъ прежнихъ образовъ, то-есть совершаетъ путь подъ руководствомъ однихъ
 С. идей самихъ по себѣ².— Эти слова твои, сказалъ онъ, я не-

¹ То-есть, по ясности и темнотѣ, предметы, подлежащіе чувствамъ, различаются между собою такъ, что одинъ классъ ихъ состоитъ изъ вещей, а другой — изъ образовъ вещей, и послѣдніе естественно должны быть темнѣе первыхъ.

² Это важнѣйшее, классическое мѣсто Платоновой философіи. Здѣсь философъ указываетъ начало всякой возможной методологіи и полагаетъ различіе между методомъ синтетическимъ и аналитическимъ. Взглядъ его на методологію тѣмъ важнѣе, что имѣетъ характеръ психологической и годенъ для правильной оцѣнки того и другаго метода. Душа, основавшись на предположеніяхъ, то-есть на созерцаніи вещей, подлежащихъ чувствамъ, ищетъ умомъ (идеально) второй, то-есть конечной, неразумной своей части, и такъ какъ въ содержаніи большей ея послыки — конечность, матерія, то она приходитъ къ конечному. Это—синтезъ. Напротивъ, если она, основавшись также на предположеніяхъ, старается опредѣлить другую свою часть — разумную и идеальную, слѣдовательно, за содержаніе своей послыки принимаетъ безконечное, то конца въ этомъ направленіи достигнуть ей невозможно, и она идетъ къ непредполагаемому, существую-

довольно понялъ. — А вотъ сейчасъ поймешь, примолвилъ я; ибо выслушавъ напередъ это, легче уразумѣешь дальнѣйшее. Ты знаешь, думаю, что люди, занимающіеся геометріею, счисленіемъ и подобными тому предметами, предполагаютъ четъ и нечетъ, фигуры, три вида треугольниковъ, и другое съ этимъ сродное, смотря по ходу работы. Дѣлая эти предположенія, какъ уже извѣстныя, они не считаютъ нужнымъ давать въ нихъ отчетъ ни себѣ, ни другимъ, какъ въ дѣлѣ, для всякаго очевидномъ. Выходя изъ такихъ предположеній и из- D. слѣдывая уже прочее, они оканчиваютъ разрѣшеніемъ того, что имѣли въ виду рассмотретьъ. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; это-то я знаю. — Такъ ты знаешь и то, что когда занимаются видимыми формами и рассуждаютъ объ нихъ; тогда мыслятъ не объ этихъ, а о тѣхъ, которымъ эти уподобляются: тутъ дѣло идетъ о четвероугольникѣ и его діагонали самихъ въ себѣ, а не о тѣхъ, которые написаны; такимъ же образомъ и прочее. То же самое дѣлается, когда ваяютъ или E. рисуютъ: все это — тѣни и образы въ водѣ; пользуясь ими, какъ образами, люди стараются усмотрѣть тѣ, которые можно видѣть не иначе, какъ мыслю. — Ты справедливо говоришь, сказалъ онъ. — Такъ этотъ-то видъ называлъ я мысли- 51 мымъ и сказалъ, что душа, для исканія его, принуждена основываться на предположеніяхъ и не достигаетъ до начала, потому что не можетъ взойти выше предположеній, но пользуется самыми образами, отпечатлѣвающимися на земныхъ предметахъ, смотря по тому, которые изъ нихъ находятъ и почитаетъ изображающими его сравнительно выразительнѣе ¹.

щему за предѣлами условій всякаго познанія. Это — анализъ. Отсюда Платону легко было бы найти источникъ антиномій человѣческаго мышленія и разрѣшить многіе вопросы, возмущающіе умъ сомнѣніями.

¹ Критики очень затруднялись значеніемъ этого мѣста, — какое Платонъ разумѣетъ здѣсь познаніе, и что собственно называетъ онъ образами. Такъ какъ другой части мыслимаго, стремящейся отъ предположеній къ непредполагаемому, по словамъ Платона, касается діалектика; то на поприщѣ первой части познанія, идущей отъ вещей чувствопостигаемыхъ къ мыслимымъ ихъ формамъ, должна подвизаться логика. Диалектика восходитъ все болѣе и болѣе къ реаль-

- В. — Понимаю, сказалъ онъ, что ты говоришь это о геометріи и прочихъ, сродныхъ съ нею искусствахъ. — Узнай же теперь и другую часть мыслимаго, о которой я говорю, что ея касается умъ силою діалектики, дѣлая предположенія, — не начала, а дѣйствительно предположенія, какбы ступени и усиленія, пока не дойдетъ до непредполагаемаго, до начала всяческихъ; коснувшись же его и держась того, что съ нимъ соприкасается, онъ такимъ образомъ опять нисходитъ къ концу и уже не трогаетъ ничего чувственнаго, но имѣетъ дѣло съ видами чрезъ виды, для видовъ, и оканчивается на видахъ¹.
- Недовольно понимаю, сказалъ онъ (мнѣ кажется, ты излагаешь дѣло трудное); однакожь вижу, хочешь опредѣлительное сущее и мыслимое, которое яснѣе созерцается чрезъ знаніе діалектики, нежели чрезъ такъ называемыя искусства въ которыхъ начала суть предположенія, такъ что созерцатели на этомъ основаніи принуждены созерцать мыслимое и сущее разсудкомъ, а не чувствами, и потому въ изслѣдованіи не восходя къ началу и оставаясь въ предѣлахъ предположеній, по твоему мнѣнію, не постигаютъ ихъ умомъ, хотя изслѣдованія ихъ по началу бываютъ умными. Разсудкомъ же называешь ты, мнѣ кажется, не умъ, а способность геомет-

ной истинъ; а логика вдается все далѣе и далѣе въ область отвлеченія: та на пути возвратнаго движенія нисходитъ отъ высшаго рода къ низшимъ видамъ; а эта, начиная съ обыкновеннаго усмотрѣнія, обыкновенно расширяетъ свой взглядъ то чрезъ привнесеніе символовъ и схемъ, то чрезъ посредство аналогій и индукцій. Такимъ образомъ, Платонъ въ этомъ мѣстѣ явно различаетъ двѣ методы познанія: логическую и діалектическую. Первая стремится все приводить къ единству рода, а послѣдняя хочетъ все созерцать въ единствѣ сущности.

¹ Достигнуть непредполагаемаго нельзя; но восходить къ нему и приближаться можно. Итакъ какъ это восхождение совершается на основаніи предположеній, слѣдовательно, на основаніи разнообразнаго множества чувствопостигаемыхъ вещей, соединяемыхъ идеєю; то и на самой высшей инстанціи восхожденія умъ придетъ не къ чистому реальному единству истины, а къ роду ея. Отъ этого рода онъ можетъ начать обратный путь, — анализъ замѣнить синтезомъ: но, начавъ отъ высшаго рода, онъ будетъ нисходить уже путемъ видотворенія и разсѣется своимъ вниманіемъ во множествѣ видовъ; такъ что видами и закончить свое нисхождение, поколику изъ предѣловъ дѣятельности разсудочной выступить не можетъ и отрѣшиться отъ формъ его мышленія не въ состояніи. Подобнѣе объ этомъ Платонъ говоритъ въ Филебѣ—р. 16 С sqq.

ровъ и подобныхъ имъ; такъ что разсудокъ дѣйствуетъ между мнѣніемъ и умомъ ¹. — Весьма удовлетворительно объяснилъ ты, сказалъ я. — Соотвѣтственно этимъ четыремъ частямъ, допусти мнѣ въ душѣ и четыре принадлежности: на высшей степени — разумность (*νοησιν*), на второй — разсудокъ, Е. третью дай вѣрѣ, а послѣдней — подобіе, и поставь ихъ пропорціонально, такъ чтобы, отъ чего можно быть причастнымъ истинѣ, отъ того же получилъ ты и больше ясности. — Понимаю, сказалъ онъ, соглашаюсь и поставляю.

¹ Называя разсудокъ, *δαιμονιον*, способностію геометровъ, Платонъ явно видитъ въ немъ силу души, занимающуюся только формами мышленія, и потому отличаетъ его отъ ума и мнѣнія; ибо мнѣніемъ душа обращается къ вещамъ чувствопостигаемымъ, или къ міру явленій, а умомъ — къ вещамъ самимъ въ себѣ, или къ міру идеальному.